БИКЕЙ И МАУЛЯНА.

ГЛАВА 1.

КАРАВАНЪ.

«Идетъ, идетъ!» раздалось въ пестрой толпѣ, стоявшей отдѣльными кучками, смотря по званію и сословію или знакомству и связямъ зрителей; «караванъ идетъ!» И толпа, многоязычная, многоглавая и разнообразная, какъ самая молва, зашевелилась. Ребятишки, оборванные татарчата, полунагіе, но въ огромныхъ, мохнатыхъ шапкахъ, обгоняли съ крикомъ другъ друга и давали почтительные круги около зрителей высшаго сословія, чинно выступавшихъ въ головѣ отряда; разнородная челядь тѣснилась вслѣдъ — хотя тѣсниться было не для–чего и простора во всѣ четыре стороны на необозримой степи довольно. Тутъ шло нѣсколько чиновныхъ и должностныхъ, съ фамиліею и съ семействомъ; тутъ были торгаши, мыльные и сальные, въ долгополыхъ сюртукахъ и въ пестрыхъ,

шейныхъ платочкахъ; были и приписные и бѣглые мѣщане, отбивающіе у первыхъ мѣновой торгъ съ кайсаками, коимъ отсыпаютъ не рѣдко щедрою рукой за барана нѣсколько помадныхъ банокъ нюхальнаго табаку, да мѣрочку муки, пополамъ съ золою, съ известью и съ пескомъ; были и татары, промышляющіе шубами, тулупами, яргаками и шкурами, такіе же проидохи какъ и тѣ; было и нѣсколько человѣкъ, такъ называемыхъ конфетчиковъ, т. е. просто лавочниковъ, содержащихъ въ городѣ, въ частныхъ домахъ плохія лавки, подъ названіемъ магазиновъ. Въ Оренбургѣ есть и гостиный дворъ, но это огромное зданіе болѣе походитъ на арестантскій дворъ или на монастырь; лавки всѣ обращены внутрь, а снаружи видны однѣ только стѣны, все глухо, пусто, мертво и покупщики не охотно туда заходятъ. Въ толпѣ нашей были и казаки, коихъ впрочемъ можно было признать казаками, только по навыку, по остаткамъ малиновыхъ лампасовъ, сквозящихся въ дыры подпоясаннаго

полотенцемъ стеганаго халата; и тутъ же расхаживало и нѣсколько темнозеленыхъ сюртуковъ не солдатскаго сукна, съ празелеными выпушками, съ мѣдными бляхами на груди.... Это сердцевѣдцы наши, отгадчики тайныхъ думъ и затѣй всякаго, кто взадъ или впередъ переходитъ рубежъ — они отгадываютъ по шапкѣ, что въ головѣ, по головѣ, что за пазухой! Впрочемъ, здѣсь нѣтъ утонченной образованности: мнѣ случилось однажды увидѣть опытъ киргиза, пронести овчинный тулупъ безъ пошлины: онъ просто накинулъ его, среди знойнаго лѣта, на плеча, по сверхъ двухъ халатовъ, заложенныхъ полами въ кожаные шаровары, и увѣрялъ, что онъ всегда такъ ходитъ!

Въ толпѣ, о которой говоримъ, поражаетъ новаго зрителя странность одежды и нарядовъ, а слушателя — общее употребленіе татарскаго языка. Тутъ видите вы многополосные халаты, желтые и красные кожаны, сшитые шерстью вверхъ кониные дахи и ергаки, тутъ шапки невиданнаго покрою и неслыханнаго цвѣту;

кожаные шаровары и армяки; и все это изношено, изодрано — что и придаетъ цѣлому какой–то пестрый, махровый видъ. Но верхъ безобразія представляютъ здѣсь собою жалкіе человѣкотвари — байгуши, киргискіе нищіе: степные дикари эти нищаютъ цѣлыми аулами и поколѣніями и гибнутъ голодомъ и стужей безъ всякой надежды на помощь. Земляки ихъ, въ этомъ отношеніи, безжалостны, неумолимы. Полинѣйные кайсаки вообще такъ бѣдны, что на 20 тысячъ кибитокъ, зимующихъ отъ Гурьева до Звѣриноголовска, на протяженіи 1850 верстъ, считаютъ кругомъ по пяти душъ обоего пола на кибитку и притомъ только по семи головъ рогатаго скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сту барановъ: но въ этомъ числѣ есть богачи, у которыхъ десятки тысячъ овецъ и коней, и голыши, у которыхъ на цѣлое семейство одна дойная коза и болѣе доходовъ рѣшительно никакихъ; на козу эту вьючитъ цѣлое семейство все имущество свое, и питается молокомъ ея — черезъ день и два, поочередно; это не сказка, а быль.

Толпа народа, которую я описалъ, стояла на лѣвомъ, азіятскомъ берегу Урала, не подалеку оренбургскаго мѣноваго двора, подалась, при восклицаніи: «караванъ идетъ!» нѣсколько шаговъ впередъ, и обратила вниманіе свое на стелющееся по степи облако пыли. Въ тылу у зрителей былъ огромный каменный мѣновой дворъ, коего стѣны безконечнаго протяженія, казалось бы готовы заключить въ себѣ всѣхъ верблюдовъ Средней Азіи…

Позади мѣноваго двора, верстахъ въ двухъ, на томъ же лѣвомъ, пологомъ берегу Урала, зеленѣлась рощица, одна одинёхонька въ обширной степи; на противоположномъ, крутомъ, европейскомъ берегу рѣки, высилось нѣсколько каменныхъ зданій; разрушающійся губернаторскій домъ, соборъ — а повыше, въ форштатѣ, церковь Георгіевская, знаменитая тѣмъ, что Пугачевъ, во время приступа къ Оренбургу, употребилъ колокольню Георгіевскую вмѣсто барбета: онъ втащилъ на нее пушку, изъ которой стрѣлялъ, за неимѣніемъ снарядовъ,

пятаками. — Это обстоятельство, сказываютъ, хорошо помнитъ одинъ почтенный старецъ, котораго строгій, тогдашняго вѣку отецъ, больно высѣкъ, чтобы восьмилѣтній ребенокъ, бѣгавшій безъ спросу собирать пятаки, помнилъ Пугачева. Такъ, встарину, сѣкли у насъ ребятишекъ на межѣ, чтобы они помнили грани.

И такъ, вотъ что было въ тылу зрителей; но что же было передъ ними, тамъ, куда обращены ихъ мысли, взоры и шаги? Я недавно услалъ къ своимъ, видъ, снятый не искусною, но услужливою рукою, съ зауральской природы, сидя на вышкѣ оренбургскаго мѣноваго двора, или, пожалуй, на крыльцѣ бывшаго губернаторскаго дома (*), все равно; видомъ этимъ я служить не могу, потому, что я его услалъ; но если вамъ угодно сдѣлать снимокъ, не имѣя подлинника, то возьмите въ руки перо или карандашъ, положите передъ собою большой листъ бумаги или склейте ихъ нѣсколько

(*) Выстроеннаго нынѣ вновь, на томъ же мѣстѣ.

десятковъ вмѣстѣ; начните карандашемъ съ одного конца и ведите прямо, до другаго края бумаги, а потомъ подпишите, выше черты: *небо*, а ниже: *земля*; и я, не видавъ художественнаго произведенія вашего, скрѣплю: съ подлиннымъ вѣрно, приложу и руку и печать, или, пожалуй, тамгу, которая здѣсь, у насъ, занимаетъ мѣсто креста, нашего безграмотнаго мужика, и къ коей мусульмане здѣшніе оказываютъ большое уваженіе, увѣряя, что самъ Чингизъ–ханъ роздалъ во всѣ роды и племена рукоприкладные знаки. И такъ, вы познакомились съ видомъ въ зауральскую степь; справедливость требуетъ однакоже сказать, что такой печальный видъ степь представляетъ только, начиная отъ Оренбурга до самого взморья; Оренбургъ, по увѣренію книжниковъ, стоитъ мало выше океана; и здѣсь–то и степь наша сама принимаетъ видъ сухаго моря. Выше, мѣста разнообразнѣе, частію гористы и лѣсисты; но бѣдный Оренбургъ, перенесенный съ мѣста на мѣсто до трехъ разъ,(*) судьбы

(*) Оренбургъ былъ первоначально заложенъ на мѣстѣ Орской крѣпости, потѣмъ

своей не миновалъ: онъ наконецъ таки расположился въ безлѣсной и голой пустынѣ.

Отдаленная пыль, ложащаяся клубомъ подъ вѣтеръ, постепенно приближалась къ зрителямъ; изъ ровной, необозримой степи, возникали движущіяся громады, и обманывая зрѣніе, казались не верблюдами, а огромными слонами. Марево, это обыкновенное въ степяхъ состояніе нижнихъ слоевъ воздуха въ жаркіе лѣтніе дни, показывающее все отдаленное въ превратномъ, безобразномъ видѣ, и такъ–часто обманывающее насъ призракомъ воды, марево это и теперь превращало лошадей въ верблюдовъ, а верблюдовъ въ слоновъ. Это, какъ я упомянулъ, обыкновенное явленіе въ знойные, ясные лѣтніе дни; въ темную, весеннюю или осеннюю ночь, обширный кругъ зрѣнія, сливающійся съ отдаленнымъ небосклономъ, представляетъ здѣсь новое зрѣлище: васъ окружаетъ далекое, великолѣпное зарево, огненная полоса

перенесенъ туда, гдѣ нынѣ Красногорская, а наконецъ уже основанъ тамъ, гдѣ стоитъ и понынѣ.

замыкаетъ предѣлы зрѣнія и ослѣпляетъ очи. Не мудрено, зазѣвавшись, оступиться въ это время и полетѣть съ оренбургскаго вала, съ котораго романтическое общество наше не рѣдко наслаждается этимъ зрѣлищемъ. Причиною зарева этого степные палы, пожары; весною и осенью зажигаютъ старую траву, пускаютъ палъ; земля удобряется золою, а зеленая травка пробивается скорѣе и гуще; старая трава, въ особенности ковылъ, образуетъ толстую, непроницаемую кошму и молодая травка не можетъ пробить ее свѣжими ростками. Гдѣ есть возможность выкашивать старую траву, палы вовсе не нужны; но и вообще, они дѣлаютъ столько же или еще болѣе зла, какъ добра: истребляютъ звѣря и птицу, которые водятся весною, и что еще хуже, уничтожаютъ лѣса, скошеное сѣно, иногда хлѣбъ и даже стада, и цѣлые аулы. Палы — главнѣйшая причина тому, что одни только жалкіе остатки лѣсовъ въ степи, доказываютъ ихъ прежнее существованіе.

Но я опять уже покинулъ свой расказъ и замололъ другое. Воротимся къ каравану.

Нѣсколько вершниковъ, ѣздившихъ встрѣчать каравановъ, по дѣлу или отъ бездѣлья, мчались по гладкой дорогѣ, на которой бы и лучшій уровень остался безъ дѣла, и наѣздничали вкругъ спѣшившихъ изъ каретъ и колясокъ зрителей..... Кареты и коляски, восклицаете вы, въ Киргизской степи! да, господа, такъ дѣло было; я этому не виноватъ; но, повторяю, такъ было и такъ бываетъ нынѣ и будетъ впередъ. Оренбургъ, въ которомъ, съ каждаго перекрестка во всѣ четыре стороны видѣнъ крѣпостной валъ, вмѣщаетъ въ себѣ почти столько же рыдвановъ и колымагъ, сколько числится въ городѣ малыхъ и большихъ домовъ. Куда на нихъ ѣздятъ? спросите вы; да мало ли куда; то за уголъ, то за другой — визитъ, дамскій визитъ, сами вы знаете, дѣло великое; а съ визитомъ не ходить же пѣшкомъ, да и не ѣздить же, упаси Богъ, и на дрожкахъ! Ей, ей, иногда бѣдному вершнику — фалетору, по вашему — не куда дѣваться, такъ колымага напираетъ, такъ крутъ поворотъ отъ воротъ до воротъ — нужды нѣтъ: пошелъ

четверкой! Но за то, браниться бранись, а на миръ слово покидай — за то оренбургскій карандасъ, или по симбирски тарантасъ, а также разлюли, долгуша — повозка на долгихъ, зыбкихъ дрогахъ, самый удобный и выгодный снарядъ для ѣзды въ полѣ и въ дорогѣ; ломки мало и опрокинуть его почти нельзя вовсе. На башкирскихъ и казачьихъ лошадяхъ, съ лыковою упряжью, по небитымъ дорогамъ и съ неуками лошадьми и кучерами, ѣздить въ коляскахъ или даже въ бричкахъ, рѣшительно невозможно. Но — караванъ нашъ уже тянется канителью мимо зрителей: верблюды рычатъ, медленно поворачиваютъ долговязыя шеи свои въ сторону и разглядываютъ чуждаго для нихъ покрою людей: продѣтый въ носовой хрящъ шерстяной или волосяной арканъ, привязанный за хвостъ предшествующаго верблюда, напоминаетъ однакоже мечтателю, что при такомъ снарядѣ задумываться невыгодно; приклонивъ и протянувъ журавлиную шею свою, дѣлаетъ онъ два, три перемета рысью и потомъ

опять продолжаетъ плавный, шаткій и валкій шагъ свой, и огромные тюки, висящіе въ высокихъ, туго набитыхъ мѣшкахъ, по обѣ стороны вьючнаго сѣдла, постоянно раскачиваются большими разводами взадъ и впередъ. Такъ тянется верблюдъ за верблюдомъ, на нѣсколько верстъ; легко расчесть, что походнымъ строемъ этимъ, гуськомъ, пойдетъ ихъ на версту не съ большимъ сотни двѣ. Верблюды каждаго возчика–киргиза составляютъ небольшое особое отдѣленіе; хозяинъ разъѣзжаетъ съ боку, на конѣ, а иногда и сидитъ, какъ и работники его, пополамъ съ кладью, на верблюдахъ, назначенныхъ подъ собственный скарбъ, дрова и продовольствіе. Каждый шагъ этого подвижнаго амбара, который нагружается двумя батманами, 16–ю пудами, раскачиваетъ и кидаетъ сѣдока своего отъ горба до горба: незавидная ѣзда! килевую качку эту можетъ переносить равнодушно только привычный морякъ; иначе, не только укачаетъ любова, но, чего добраго, выломитъ изъ крестца поясницу!

Чалмоносные хозяева товаровъ возсѣдаютъ обыкновенно, подобравъ ноги, въ люлькахъ, койкахъ или клѣткахъ, подвѣшенныхъ по обѣ стороны верблюда; мохнатый возчикъ, въ яргакѣ, въ мѣховой, огромной шапкѣ, сидя на верблюдѣ, между страннообразной клади своей, походитъ на какого–то лѣшаго или домоваго съ того свѣта. Проходя мимо васъ, кажется отвѣшиваетъ онъ, на каждомъ шагу верблюда, по нижайшему поклону: не безпокойтесь, не откланивайтесь; онъ это дѣлаетъ не–хотя, а по неволѣ. По обѣ стороны поѣзда тянется рѣденькое карантинное прикрытіе, отрядецъ казаковъ, встрѣтившихъ караванъ въ нѣкоторомъ растояніи отъ Линіи; но въ головѣ каравана, на первомъ верблюдѣ, виситъ въ люлькѣ своей Караванъ–башъ, караванный голова. Это важнѣйшее и главное лицо цѣлаго явленія; онъ одинъ отвѣчаетъ за успѣхъ и неудачу избраннаго степнаго пути, который пролагаетъ вновь, при каждомъ новомъ походѣ; онъ дѣлаетъ привалъ, роздыхъ, дневку, назначаетъ подъемъ, принимаетъ

мѣры противу грабежа — которые впрочемъ, при неизъяснимой безпечности народовъ этихъ, состоятъ большею частію только въ томъ, что стараются избирать менѣе извѣстные пути, не проходить чрезъ враждебный родъ, а въ крайности откупаются отъ хищниковъ и никогда почти не защищаются, хотя всѣ, съ ногъ до головы, вооружены. Голова беретъ и перемѣняетъ, гдѣ нужно, вожаковъ, Юлъ–баши, словомъ, онъ хозяинъ на походѣ, и весь караванъ у него въ безусловномъ повиновеніи. Дошедши до воротъ мѣноваго двора, верблюдъ его припадаетъ на колѣни, Караванъ–баши слѣзаетъ, и подошедъ къ стоящимъ здѣсь таможеннымъ чиновникамъ, здоровается съ каждымъ по братски, принимая руку его въ обѣ ладони свои и кланяясь. Съ близкими, старыми знакомцами, здороваются азіятцы наши, взявшись за обѣ руки и прижимая, взаимно и по очередно, руку друга къ сердцу своему.

Наконецъ, караванъ вступаетъ въ мѣновой дворъ. Верблюды идутъ въ

проходной, складочный сарай, по русски: пакгаузъ; по слову: чокъ! припадаютъ, ложатся, арканы развязываются и огромные тюки и мѣшки сваливаются въ кучу. Глядя на эти груды или цѣлую гору товаровъ, которые доставлены изъ отдаленнаго края, изъ Хивы, изъ Бохары, изъ Китайскаго Туркистана, доставлены съ трудомъ и усиліемъ, даже съ опасностію жизни, захотите вы узнать, какая это кладь? что за товары? Кашемирскія шали, которымъ нѣтъ цѣны? — Восточные ковры, издѣліе, въ коемъ шелкъ поддѣланъ шерстью? — Драгоцѣнные каменья? —Алмазы, яхонты, бирюза? По крайней мѣрѣ жемчугъ? — …Однимъ словомъ, хотя что нибудь подобное тому, что мы привыкли называть Восточными товарами, что вывозятъ другіе народы изъ Азіи? — Ничего не бывало; это — стыдъ сказать, а грѣхъ утаить — но загляните на оренбургскій мѣновой дворъ, и вы увидите сами — это хламъ и дрязгъ, почти такой же, какъ вы сейчасъ видѣли на возчикахъ, на конвойныхъ, на байгушахъ; это стеганые, бумажные халаты, гдѣ подбой

и покрышка состоятъ изъ бязи, толстой и самой простой выбойки; халаты эти составляютъ не прихоть, не щегольство жителей здѣшнихъ, но вся Линія, всѣ народы и сословія линѣйныхъ жителей, носятъ каждодневно халаты эти, какъ русской мужикъ свою сѣрмягу. Далѣе: это войлоки, по здѣшнему кошмы, — это толстыя бязи, выбойки, бумажныя одѣяла, самыя грубыя ткани и издѣлія, которыя, кажется, не стоятъ перевозки на сто верстъ, не только черезъ все пространство степей Турана. Нѣсколько мѣшковъ урюку, али–бохары, фисташекъ, манны, вяленыхъ полосокъ дынь въ плетешкахъ, что все извѣстно вообще подъ именемъ кунакъ–ашъ, гостинца для пріятелей, и все это перегажено шерстью, пылью, и всякою нечистью; наконецъ, видите вы и нѣсколько хлопчатой и пряденой бумаги, и вотъ все. И по всей Оренбургской Линіи тоже, и вотъ въ чемъ состоитъ весь торгъ нашъ съ сосѣднею Азіей!

Замѣтимъ еще и то, что русскіе вовсе не ходятъ съ караванами въ Среднюю Азію:

торговля эта принадлежитъ исключительно безтолковымъ, безрасчетливымъ и безмѣрно корыстолюбивымъ мусульманамъ. Русскій изворотливъ, смѣтливъ, предпріимчивъ и переимчивъ у себя, дома; но караванная и морская торговля, не его рука. На Каспійскомъ морѣ нѣтъ ни одного русскаго торговаго судна; всѣ суда, за исключеніемъ рыбопромышленыхъ, — принадлежатъ Персіянамъ, Армянамъ, Татарамъ, но только не Русскимъ. По всей Оренбургской Линіи нѣтъ ни одного почетнаго торговаго дома; есть такъ называемые богатые купцы, но они дѣйствуютъ какъ прасолы базарные, какъ торговки (*). Такъ называемые купцы здѣшніе берутся за мѣну и торговлю почти тогда только, если увѣрены получить по пяти рублей на полтину, — или около того: они даютъ киргизу зимою хлѣба или товаровъ на 50 рублей, защитываютъ ему это за сто, обязуютъ поставить весною за это сотню ягнятъ, поручаютъ ихъ для

(*) Можетъ быть ихъ и нельзя слишкомъ обвинять въ этомъ: обстоятельства и отношенія таковы. Покуда торговля будетъ въ рукахъ азіятцевъ и не будетъ здѣсь значительнаго торговаго общества, всѣ старанія и благія мѣры правительства тщетны.

прокормленія, для паствы, ему же, принимаютъ осенью, въ условленномъ мѣстѣ Линіи, сотню жирныхъ барановъ, отдаютъ ихъ въ стрижку даромъ, изъ шерсти, гонятъ на Волгу, бьютъ на сало и выручаютъ 12—16 рублей съ барана, а мясо и шкура опять не входитъ въ счетъ. Это образчикъ мѣноваго торга съ кайсаками, и не лучше этого живетъ и торговля караванная. Но возвратимся къ своему предмету.

Караванъ пришелъ. Нѣкоторые бохарцы отправились въ городъ, къ общему пріятелю и земляку своему, Титулярному Совѣтнику Ходжи Назарбаю; большая ихъ часть осталась на мѣновомъ дворѣ. Въ это время у воротъ мѣноваго двора, на степной сторонѣ, произошелъ шумъ: два конные киргиза довольно жарко спорили между собой; одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ чище и лучше всѣхъ доселѣ нами виданныхъ, вмѣсто рубахи былъ на немъ, какъ водится, легкій бумажный халатъ; шаровары малиноваго бархата, съ золотымъ шитьемъ; зеленые сапоги, изъ ослиной, чешуйчатой

кожи — chagrin — съ окованными серебромъ закаблучьями, со вздернутыми носками и даже со вставленными въ концѣ ихъ кожаными хвостиками или косичками; сверхъ халата, синій бархатный чекмень халатнаго покроя, съ косымъ воротомъ, обшитымъ узенькими галунами, кожаный тисненый поясъ, съ привѣшеннымъ той же работы карманомъ и съ ножемъ; огнива, этой необходимой принадлежности калмыцкаго пояса, кайсаки обыкновенно не носятъ, потому что трубокъ не курятъ; въ этомъ отношеніи мусульмане здѣшніе вообще составляютъ родъ раскола; курить, какъ увѣряютъ они, запрещается у нихъ закономъ, который порицаетъ всякую роскошь и излишества. Вотъ почему послѣднее посольство наше въ Бохарію, не совсѣмъ удачно избрало подарки свои для хана: хрустальные кальяны не могли быть имъ приняты, потому что онъ, какъ богомольный человѣкъ, не хотѣлъ подать такого соблазна народу. Впрочемъ, въ цѣломъ Туранѣ и даже въ самой Бохарѣ, курятъ, украдкою и утайкой, много; но

бьютъ за это на базарѣ жестоко, если поймаютъ съ поличнымъ.

На бритой головѣ помянутаго мною молодца была небольшая остроконечная, какъ воронка, тюбетея, опушенная выдрой, а сверхъ тюбетеи бархатная, алая, высокая шапка, калпакъ, съ позументами по швамъ, съ распоротыми съ двухъ концовъ и загнутыми въ четыре хвостика кверху, полями; кромѣ этого кайсакъ этотъ былъ въ полномъ вооруженіи: копье трехгранное, съ насѣчкою, на украшенномъ цвѣтной рѣзьбою длинномъ копеищѣ; за плечами ружье, коего оправленные въ сайгачьи рога ражки, выказывались изъ–за лѣваго плеча; за поясомъ пистолетъ въ оправѣ, на поясѣ чеканъ, ай балта, родъ топора на длинномъ топорищѣ. Такое полное вооруженіе на кайсакѣ весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе, что пріѣзжающіе къ мѣновому двору должны миновать Новоилецкую или Бердяно–куралинскую линію, гдѣ оружіе отбирается. Но какъ Бикей находился собственно при караванѣ, гдѣ и возчики и купцы всегда бываютъ болѣе или менѣе

вооружены, то при немъ и были оставлены доспѣхи. Не менѣе достойно замѣчанія полное и исправное вооруженіе нашего пріятеля; обыкновенно на сотню вооруженныхъ киргизовъ едва придется по нѣскольку самопаловъ, ружей безъ замковъ, съ фитилями; прочіе всѣ вооружены плохими копьями да чеканами. Порядочное ружье или пистолетъ, доставляетъ хозяину своему уваженіе цѣлаго аула. Луковъ и стрѣлъ, сами киргизы не дѣлаютъ, а достаютъ ихъ иногда у башкировъ, или изъ Индіи, Персіи, Кабула, черезъ Бохарію. Сабли носятъ только почетные. Со временъ незапамятныхъ хранится кой у кого кольчуга и шлемъ; и доспѣхи эти даютъ уже хозяину полное право называться богатыремъ.

Обращаясь къ расказу, я прошу читателей замѣтить стоящаго передъ нами всадника; мы съ нимъ еще не разъ и не два столкнемся: это Бикей, сынъ Исянгильдія, глава киргискаго прикрытія, которое, состоя изъ Танинцевъ, охраняло караванъ

отъ грабежей родовъ: Чумекей и Джагалбай. По дружбѣ съ Караванъ–башемъ, который былъ, какъ обыкновенно, чиклинецъ, Бикей проводилъ его вплоть до мѣноваго двора, хотя дружина и разбрелась уже за переходъ или два въ степи.

Бикей Исянгильдіевъ былъ одинъ изъ старшинъ отдѣленія Гассанъ роду Тана. Отецъ его, Исянгильди Янмурзинъ, съ почетнымъ прозваніемъ аксакалъ, бѣлая борода, былъ богатѣйшій изъ оренбургскихъ киргизовъ и управлялъ уже слишкомъ 40 лѣтъ танинцами, и именно, отдѣленіемъ Гассанъ, которое было извѣстно спокойствіемъ и благосостояніемъ своимъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ отдѣлившись отъ земляковъ своихъ, составляющихъ большую часть внутренней, Букеевской орды, снова перекочевало за Уралъ, постоянно занимая часть лѣваго бирега его, противу станицъ нижнеуральской Линіи. Миролюбивый Исянгильди умѣлъ избѣгать гибельной баранты, которая не обогатила еще ни одного рода киргискаго, хотя и обратила

цѣлые аулы въ байгушей, въ нищихъ; старикъ всегда старался держаться кочевьемъ своимъ по близости Линіи, не сообщался съ неблагонамѣренными, отдаленными родами и не рѣдко прекращалъ благоразуміемъ случайные ссоры однородцевъ своихъ съ сосѣдями, задабривая ихъ обоюдно небольшими подарками изъ собственныхъ стадъ и табуновъ. Впрочемъ, Исянгильдію не мудрено было быть и тороватымъ; у него, какъ вѣдомо тѣмъ, которые были знакомы въ то время со степью, у него было болѣе десяти тысячъ однихъ лошадей, не считая овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота. Нѣкоторые увѣряютъ, что это преувеличено; что у Исянгильди не было болѣе восьми тысячъ коней; другіе, что было до двѣнадцати. Помиримся на половинѣ, и этого, кажется, будетъ довольно. Исянгильди былъ первый, или одинъ изъ первыхъ богачей въ степи, это безспорно.

Но отецъ не ладилъ съ сыномъ; благоразумный и почтенный, чужими и

своими уважаемый Исянгильди Аксакалъ — не ладилъ съ младшимъ сыномъ своимъ — умнымъ, бойкимъ, славнымъ молодечествомъ и добротою души, Бикеемъ! и отъ чего бы это? Такъ не рѣдко бываетъ на свѣтѣ, други, подите и разберите ихъ, кто правъ, кто виноватъ — или дайте мнѣ досказать и судите сами. Скажу теперь только еще, что Бикея уже нѣтъ; а девяносто–лѣтній Исянгильди не рѣдко и понынѣ (*) качаетъ головой и нашептываетъ: *ля илляхъ иляллахъ* — поминая сына, который нѣкогда, въ юности своей, былъ его любимцемъ.

Султанъ Кусябъ Гали, старшина одной изъ дистанцій понизовыхъ кайсаковъ, принадлежащихъ къ западной части орды султана–правителя Бай–Мохаммеда Айчувакова,(**) Кусябъ Гали сидитъ теперь у меня; и между тѣмъ какъ онъ, протягивая руку за раставленною передъ нимъ на тарелочкахъ закускою, спрашиваетъ за каждымъ кусочкомъ у общаго нашего пріятеля, у муллы: *халялъ* или *харамъ*

(*) Писано въ 1833 году.

(**) Нынѣ подполковника и кавалера.

(тоже, что у евреевъ коширъ и трефъ) и мулла мой не позволяетъ ему ѣсть ни копченаго медвѣдя, ни заячьихъ полотковъ — не позволяетъ также носить шелковой рубахи, увѣряя, что это прямо и ясно запрещено кораномъ, между тѣмъ, говорю, хочу пересказать вамъ то, что султанъ Кусябъ мнѣ говорилъ о причинѣ глубокой вражды отца и сына; а султанъ Кусябъ женатъ на родной сестрѣ Бикея, на дочери Исянгильдія, слѣдовательно дѣло ему извѣстно.

У старика Исянгильди было три жены, а отъ каждой жены по нѣскольку дѣтей. Онъ просваталъ одну изъ дочерей, отъ перваго брака, за кайсака Байбактынскаго рода, отдѣленія Игусагатъ, но она умерла еще невѣстой, и женихъ потребовалъ возврата калыма. Обычай велитъ возвращать жениху калымъ по смерти невѣсты, въ томъ только случаѣ, если женихъ ее не навѣщалъ еще въ аулѣ отцовскомъ; въ противномъ случаѣ, женихъ лишается калыма, или той части его, которую ужи выплатилъ. Надобно полагать, что нарѣченный зять Исянгильдія

имѣлъ право требовать возврата калыма, ибо мать умершей, не имѣя другой родной дочери въ наличности и не желая выдавать благопріобрѣтеннаго, уломала старика Исянгильдія, отдать Байбактынцу, въ зачетъ умершей, одну изъ дочерей втораго брака, такъ сказать падчерицу свою, ибо второй жены Исянгильдія въ то время уже не было въ живыхъ. Несправедливое дѣло это состоялось, и изъ этого мы видимъ, что, какъ говорится, и правда живетъ часомъ кривдою, и что жены вездѣ и всегда — не въ примѣръ будь сказано — изъ мужей своихъ подъ старость веревки вьютъ. — Старикъ Исянгильди, слывшій мудрымъ и справедливымъ, когда судилъ и рядилъ чужую расправу, въ собственномъ своемъ дѣлѣ погрѣшилъ и покривилъ, а потомъ уже сознаться и исправить бѣды не хотѣлъ. И такъ, отдали птенца изъ втораго гнѣзда, а калымъ за него остался въ первомъ; вотъ начальная причина всѣхъ бѣдъ. Бикей выросъ, возмужалъ, и считая себя заступникомъ и опекуномъ одногнѣздковъ своихъ, лишившихся родной матери, сталъ

требовать ихъ достояніе. «Вы продали сестру мою» говорилъ онъ, «не какъ невѣсту, но какъ *Кулъ–Кзъ* или *Джясыръ*, какъ рабыню; вы не взяли почетнаго калыма, для пріобщенія его къ достоянію ея семейства, то есть, къ семьѣ втораго гнѣзда или брака, но вы отдали ее, какъ отдаютъ *Кяфыра*, невѣрнаго, за сотню барановъ, а верблюда за полтора десятка, и раздѣлили добычу утайкою между собою, какъ тати; или подайте намъ весь калымъ сестры моей, или отдайте одну изъ двухъ дѣвокъ, дочерей перваго брака, которыя теперь подросли, и мы найдемъ ей жениха, отдадимъ ее за калымъ и будемъ квиты.» Отецъ отвѣчалъ на это угрозами, старикъ привыкъ къ покорности и повиновенію. — Мачиха натравливала его на Бикея, а двое старшихъ сыновей ея, взрослыхъ, возмужалыхъ, ожидавшихъ со дня на день выдѣлки, приняли, какъ само собой разумѣется, сторону отца.

Если знать коротко бытъ степныхъ кайсаковъ, если войти въ обычаи и понятія ихъ, то можно и должно оправдать

Бикея. — Тамъ, гдѣ многоженство бываетъ причиною всегдашнихъ семейныхъ раздоровъ, гдѣ временная владычица надъ волею, умомъ и сердцемъ господина своего, пользуется властію своею всегда къ накладу прочихъ — тамъ птенцы одного гнѣздышка прижимаются ближе другъ къ другу и заключаютъ противу прочихъ оборонительный и наступательный союзъ; съ издѣтства ужи привыкаютъ они, видѣть въ матери родной заступницу, а въ другихъ женахъ отцевскихъ клеветницъ и безжалостныхъ притѣснителей; въ отцѣ, неумолимаго, безразсуднаго карателя, отъ грозной руки коего уклониться можно только обманомъ, новою клеветою и доносомъ, или, возмужавъ, открытою силой. Никогда мусульманинъ не чтитъ мать свою, не считаетъ обязанностію ей повиноваться: онъ видитъ въ ней туже рабыню, тоже жалкое существо, созданное для нуждъ и прихотей отца, которое видитъ и во всѣхъ другихъ женщинахъ; какими же глазами долженъ онъ смотрѣть на прочихъ женъ отцовскихъ, на сожительницъ его,

которыя живутъ и промышляютъ одними только кознями, сплетнями, къ накладу цѣлаго семейства? — Здѣсь наше мѣрило нравственности не прилагаемо, не примѣняемо; закоснѣлое невѣжество и тупое изувѣрство требуютъ инаго изученія и приложенія. А отдать дѣвку замужъ безъ калыма, кромѣ утраты чрезъ это законнаго достоянія, почитается сверхъ этого величайшимъ безчестіемъ. Вотъ какъ надобно смотрѣть на дѣйствія Бикея и вообще на цѣлое происшествіе. Многоженство мусульманъ всегда бываетъ поводомъ къ раздорамъ семейнымъ, которые можетъ переносить равнодушно только закоснѣлая въ Исламизмѣ душа. Въ оренбургскомъ краѣ есть много семей татаръ, башкировъ и тептярей, въ которыхъ благоразумные дѣды и прадѣды, испытавъ горе это на себѣ, священнымъ заклятіемъ на смертномъ одрѣ своемъ постановили, чтобы потомки ихъ всегда довольствовались одною только супругою и завѣщаніе это обыкновенно соблюдается строго. Всѣ почти мусульмане соглашаются въ томъ,

что это лучше; но соблазнъ великъ и люди, какъ всегда и вездѣ, говорятъ одно, а дѣлаютъ другое.

Бикей, котораго мы покинули, когда онъ перебранивался съ двумя всадниками, не подалеку мѣноваго двора, повернулъ круто коня отъ двухъ братьевъ своихъ, которые, узнавъ что онъ провожалъ изъ глубины степи караванъ Хивинскій, пріѣхали тунеядцами требовать отъ него дѣлежа честно пріобрѣтенной имъ платы; повернулъ, и отвѣчалъ на угрозы ихъ: донести отцу о причинѣ самовольной отлучки его въ степь, что онъ еще въ зыбкѣ лежа потянулся и разломалъ ее; а нынѣ уже и самъ собирается строить колыбель будущему сыну своему! Надобно знать, что у киргизовъ, всякій мужъ долженъ припасать дѣтскую зыбку вновь, для каждаго новорожденнаго своего, самъ; люлька эта выгнута изъ прутьевъ, походитъ на небольшую кукольную койку, и между прочимъ, въ случаѣ смерти младенца, опрокидывается на могилѣ его, гдѣ и остается навсегда. Дѣлать зыбку, значитъ:

быть независимымъ, имѣть жену и хозяйство.

Если хотите, можемъ, на обратномъ пути отъ каравана, дать кругъ по мѣновому двору, гдѣ сосредоточивается торговля и промышленность двухъ частей свѣта. Подъ навѣсы безконечнаго протяженія, въ каменныя лавки съ окованными дверьми и желѣзными запорами, не заглядывайте; тамъ, кромѣ замковъ на запорахъ этихъ, не увидите ничего. Все мертво и пусто. Только по двору толпятся тутъ и тамъ верблюды — нѣсколько барановъ ожидаютъ, на привязи, смиренно участи своей, торгаши наши расхаживаютъ между ними, ощупывая курдюки, и съ крикомъ, съ шумомъ, съ клятвами, божбою и ругательствомъ, почти насильно, отымаютъ и вымѣниваютъ барановъ этихъ у нерѣшительныхъ продавцевъ, которые, кажется, только этимъ способомъ умѣютъ сбыть свой товаръ; кой–гдѣ сидитъ, на голой землѣ или на рогожѣ, торговка; судя по лицу, какое–то среднее отродіе между русскимъ, турецкимъ, чудскимъ и монгольскимъ

племенами; сидитъ, обвѣшиваетъ и обмѣриваетъ кайсаковъ на товарахъ, составляющихъ запасъ подвижной мелочной лавки ея. Загляните въ этотъ коробъ, или сколоченный кожаными наугольниками ларецъ, изъ котораго она выбираетъ и навязываетъ мохнатому покупателю своему и квасцы, и гвоздику, и кусочки купоросу, осторожно стряхивая съ нихъ въ бумажку разсыпанный по всему ларцу табакъ; — взгляните на перепутанные мотки, клубки и узлы сѣрыхъ нитокъ и алаго шелку, на завернутыя въ оторванномъ клочкѣ бумажки, ржавыя, толстыя иглы, шилья и гвозди, на деревянныя ложки, на дружественный союзъ разнороднаго скарбу этого, присыпаннаго, думаю для единобразія, табакомъ, мукою, пылью, и все это дастъ вамъ надлежащее понятіе, о торговыхъ сношеніяхъ Европы и Азіи, на точкѣ взаимнаго ихъ соприкосновенія.

ГЛАВА 2.

СОСѢДИ НАШИ.

—

Въ архивѣ Канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора, хранится, при одномъ дѣлѣ, между прочимъ бумага, на поляхъ которой помѣчено собственною рукою тогдашняго военнаго губернатора, слѣдующее:

«Написать о семъ обстоятельствѣ въ Азіятскій Департаментъ и упомянуть, что по симъ и другимъ свѣденіямъ, въ Хивѣ должно находиться до 2–хъ тысячъ человѣкъ русскихъ плѣнниковъ. Сдѣлать выписки изъ подписей и повѣстить объ участи сихъ несчастныхъ въ тѣ мѣста, отколѣ они показываютъ себя родомъ. Передъ выходомъ каравана изготовить отвѣтъ на письмо сіе, въ видѣ объявленія, безъ подписи, коимъ увѣрить плѣнниковъ нашихъ, что правительство печется о ихъ освобожденіи; послать, по просьбѣ ихъ, тѣльные кресты и Евангеліе, для подкрѣпленія вѣры и надежды

страдальцевъ. — Доставившему письмо сіе, сыну старшины Танинскаго роду, Гассанновскаго отдѣленія Исянгильдія, старшинѣ Бикею, выдать изъ суммъ, на сей предметъ имѣющихся, сто рублей, и пять аршинъ алаго сукна на чекмень.»

Читатели видятъ о чемъ идетъ рѣчь: Бикей Исянгильдіевъ доставилъ переданное ему, чрезъ вѣрнаго кайсака, изъ числа кочующихъ за рѣкою Сыръ (Сыръ–Дарья), письмо отъ русскихъ плѣнниковъ, изъ Хивы. Убѣдительныя жалобы и просьбы, полуграмотнымъ языкомъ изложенныя, трогаютъ и сокрушаютъ, въ холѣ и довольствѣ проживающаго читателя и заставляютъ призадуматься надъ тѣмъ, что мы называемъ обыкновенно судьбою человѣка. Письмо было писано на вылощенной, русской бумагѣ, приготовленною на клею сажею, вмѣсто чернилъ; свернуто трубкою, измято во множество переломовъ; зашито въ ветошку и во многихъ мѣстахъ протерто; такъ, что иныхъ словъ даже нельзя было и разобрать.

Писатели извинялись невѣденіемъ приказнаго порядка, какъ писать просьбы большимъ сановникамъ; говорили, что не только не могли довѣдаться объ имени и отчествѣ военнаго губернатора, или вообще о томъ, кто нынѣ представитель главнаго пограничнаго Начальства, но недавно только узнали, отъ новыхъ плѣнниковъ русскихъ, на рыбномъ промыслѣ Эмбенскаго участка Каспійскаго моря захваченныхъ, что въ землѣ русской воцарился новый Государь; приносили благодарность за доставленіе имъ, съ прошлогоднимъ караваномъ, двухъ сотъ серебряныхъ крестовъ и пяти Евангелій, и молили о присылкѣ еще до тысячи, хотя бы то и мѣдныхъ крестовъ, и нѣсколькихъ Священныхъ книгъ: Евангелія, Четьи–Минеи и Требника; горько оплакивали рабство свое, въ которомъ, нагіе и босые, холодные и голодные, маялись они, на тяжкой земляной работѣ, подвергаемые непрестаннымъ побоямъ, единственно дабы помнили о рабствѣ своемъ и не имѣли бы ни силъ, ни досугу помышлять о чемъ либо

иномъ; сказывали, что въ Хивинскомъ юртѣ (ханствѣ, владѣніи) бываетъ по одному разу въ годъ, послѣ рамазана, праздникъ, называемый Кулъ–байрамъ, пиръ рабовъ, на который всѣ безъ исключенія невольники имѣютъ право приходить и гулять, на свои собственныя деньги и на пожертвованные жителями припасы; при каковомъ случаѣ и сочтено, что однихъ русскихъ плѣнниковъ, не считая Персіянъ и другихъ иновѣрцевъ, находится въ Хивѣ до 2000 человѣкъ; въ заключеніе, просили помощи, сами не зная какой; сказывали, что неурожай послѣднихъ годовъ, вогналъ пудъ муки въ тилла, то есть до 16 рублей; что они гибнутъ голодомъ, особенно старики, которые, пробывъ въ плѣну и тяжкой работѣ лѣтъ сорокъ и болѣе, нынѣ, при дряхлости своей, брошены хозяевами, по случаю дороговизны, безъ всякаго призрѣнія, на произволъ судьбы; называли себя: напрасно и невинно страждущими вѣрноподданными Бѣлаго Царя Христіянами, погибающими въ рукахъ невѣрныхъ Масурманъ: слово, составленное

писцемъ вѣроятно изъ басурманъ и мусульманъ; поручали себя и души свои молитвамъ единовѣрцевъ своихъ и пребывали, по отпускѣ письма сего, во ожиданіи великихъ милостей, Богомольцами: за симъ слѣдовало десятка два различныхъ подписей, и при каждой прежнее званіе и родина плѣнника; на примѣръ: казаки Островной станицы Павелъ Зайцевъ съ сыномъ; астраханскій мѣщанинъ Егоръ Щукинъ; служащій казакъ Иванъ Печоркинъ; отставной солдатъ Андрей Еременъ и другіе.

Изъ списка, составленнаго по всѣмъ свѣденіямъ, которыя только могло собрать оренбургское пограничное Начальство, видно, что съ 1758 по 1832 годъ увлечено въ плѣнъ Киргизъ–Кайсаками съ оренбургской Линіи 3797 человѣкъ; а слѣдовательно, среднимъ числомъ около 52 человѣкъ на годъ. — Изъ этого числа возвращено, отбито, выкуплено и бѣжало, въ теченіе 73 лѣтъ, всего 1154 человѣка. Самый счастливой для насъ годъ былъ 1830, въ теченіе коего не похищено ни одного

человѣка; самый бѣдственный, 1774, гдѣ увлечено 1380 человѣкъ; читатели замѣтятъ, что это было смутное время, послѣдовавшее бѣгству калмыковъ съ приволжскихъ степей и разбоямъ Емельки Пугачева. Въ новѣйшее время, 1823 годъ былъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ и съ Линіи похищено 113 человѣкъ. Поводомъ этому служило занятіе Илецкаго участка, лоскута земли, лежащаго противу Оренбурга, между рѣками Илекомъ, Бердянкою, Куралою и Ураломъ, и извѣстнаго безконечно огромнымъ пластомъ каменной соли, который, по выкладкамъ досужихъ книжниковъ, можетъ снабжать насъ 14 тысячъ лѣтъ сряду, милліономъ пудовъ соли въ годъ. Нынѣ, въ послѣдніе годы, кайсаки вовсе перестали таскать людей съ Линіи, ибо нѣкоторое устройство въ степи весьма затрудняетъ имъ сбытъ и даже самую утайку невольниковъ; а страхъ поплатиться головою, отбилъ батырей отъ этого опаснаго промысла. Учрежденіе трехъ султановъ–правителей, вмѣсто одного хана,

много способствовало введенію нѣкотораго порядка и повиновенія; а послѣдніе походы въ степь, малыми и большими отрядами, показали кочевымъ и хищнымъ обитателямъ ея, что степь для насъ проходима. (*) Но независимо отъ приложеннаго расчета, Адайскіе киргизы и туркмены, залегающіе на сѣверо–восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, таскаютъ, съ помощію астраханскихъ татаръ, ежегодно отъ ста до двухъ сотъ рыбаковъ, съ Каспійскаго рыбнаго промысла. Подробнаго расчета имъ нѣтъ. Плѣнниковъ своихъ продаютъ кайсаки хивинцамъ, изрѣдка и бохарцамъ, но несравненно большая часть ихъ идетъ въ Хиву. Въ отдаленіи отъ Линіи, есть и въ самой степи, у кайсаковъ, русскіе невольники, но весьма немного, и, кажется, обыкновенно только, по согласію съ бродягой — иначе всегда легко уйти, или дать знать о себѣ на Линію.

Отъ одного изъ такихъ–то бѣдующихъ земляковъ нашихъ привезъ Бикей, по

(*) Со времени хивинскова похода 1837—1840 г. не было уже ни одного примѣра похищенія съ линіи или съ моря русскихъ хивинцами, или даже для хивинцовъ.

связямъ и знакомствамъ своимъ въ степи, письмо, и сдѣлалъ это менѣе изъ видовъ корысти, изъ расчетливости, или даже приверженности къ Правительству, а просто, по личнымъ связямъ и по пріязни съ Линѣйцами, съ уральскими казаками, съ которыми жилъ въ дружбѣ и сношеніяхъ личныхъ, водилъ хлѣбъ–соль. Они–то наказывали ему почасту: «раздобыть вѣсточки отъ родимыхъ», по которымъ заживо панихиды отслужили, поминая ихъ на ряду съ преставившимися. За всякое покушеніе высвободить или увезти плѣнника, равно за перевозку писемъ ихъ, хивинцы жгутъ, рѣжутъ и вѣшаютъ: не смотря на это, мы каждогодно получаемъ оттолѣ письма и каждогодно уходятъ плѣнники. Приключенія и похожденія этихъ отверженныхъ, лишенныхъ всѣхъ правъ человѣчества — кромѣ смысла, котораго, на бѣду, лишить существо это не возможно — приключенія ихъ дивны, непостижимы: часто превосходятъ они всякое вѣроятіе, но не менѣе того не вымышлены. Одинъ былъ захваченъ, мчался 8 дней на конѣ,

связанный по рукамъ, по ногамъ, ночи проводилъ, связанный же, подъ душною кошмою, на четырехъ концахъ которой лежали звѣрскіе стражи его, и не видалъ въ 8 сутокъ ни зерна насущнаго; другой не помнитъ что съ нимъ было: его били обухомъ по головѣ каждый разъ, когда онъ приходилъ въ себя, чтобы онъ одурѣлъ, оглупѣлъ и не имѣлъ ни средства, ни охоты къ побѣгу; третій родился уже въ Хивѣ, отъ русскихъ плѣнныхъ родителей, выросъ тамъ, и нашелъ средства бѣжать, сквозь тысячи сторожей, сквозь степи безводныя и безкормныя и пришелъ на Русь святую Христіяниномъ, проносивъ при себѣ 19 лѣтъ записку, данную ему отцемъ о родинѣ и о родичахъ его; еще иной вышелъ чудными похожденіями изъ плѣну, въ которомъ находился болѣе полвѣка — 56 лѣтъ: и годы эти протекли однообразно, неизмѣнно, какъ одинъ день; — опять иной наконецъ, за исполинскую силу свою, произведенъ, съ проименованіемъ Пелюанъ–Кулъ, силача–раба, въ первые сановники Ханства, или по крайней мѣрѣ

двора; подчинилъ себѣ богатырскимъ кулакомъ своимъ и дворъ и Ханство, ходилъ въ шелку, ѣлъ сытно, а улучивъ время, ушелъ, покинувъ честь и мѣсто, увелъ четырехъ аргамаковъ ханскихъ, видѣлъ за собою погоню, слышалъ въ ночи какъ на него ножи точили, клалъ уже голову на плаху — а прибылъ, миновавъ всѣ бѣды, по добру, по здорову, на родину свою, и нынѣ — мужикъ въ $12\frac{1}{2}$ вершковъ — торгуетъ въ Астрахани пряниками!

И такъ, братья Бикея, которыхъ видѣли мы вскорѣ по прибытіи каравана на мѣновой дворъ, не получивъ отъ него желаемаго побора, возвратились въ свои аулы и донесли отцу Исянгильдію, что сынъ ему не повинуется, что онъ не идетъ на зовъ отцовскій. Новый раздоръ, новые поджоги ненависти и мести; сводные братья, не желая выдать калыма сестры Бикея, то и дѣло подстрекали обѣ стороны, раздражали старика день за день новыми доводами непокорности и строптивости сына; въ отсутствіи жъ этого, поселяли они

въ отцѣ подозрѣніе, что тотъ хочетъ лишить его власти и довѣренности народной, что получивъ уже старшинское званіе, въ видѣ почетномъ, нынѣ добивается у Правительства отцовскаго мѣста, и потому подыскивается, прислуживается у русскихъ и якшается съ Линѣйцами. И слабый старикъ, черствый, упрямый, виноватое дѣло свое хотѣлъ поставить правымъ, не давалъ отчета въ незаконныхъ дѣлахъ своихъ, а требовалъ на судъ сына. Такъ прошли мѣсяцы, годы, и отецъ питалъ уже безотчетную ненависть къ лучшему сыну своему, не могъ видѣть его, не загораясь багровою кровью; а сынъ, въ гордости правоты своей и чистотѣ дѣла, за которое стояли всѣ однородцы и земляки его, говорилъ и дѣйствовалъ смѣло и самостоятельно. Онъ никогда не забывался противу отца, никогда не грѣшилъ противу патріархальныхъ обычаевъ дикарей степныхъ, у коихъ бѣлая борода уважается безусловно цѣлымъ семействомъ, родомъ и племенемъ; но братьямъ всегда говорилъ онъ правду въ глаза: правду, которая тѣмъ

болѣе колола, что Бикей дѣлалъ это съ какою–то особою ухваткой: онъ никогда не бранился съ ними, какъ это водится не рѣдко у земляковъ его, на весь аулъ; никогда не выходилъ, какъ они, изъ себя, а отражалъ всѣ нападенія ихъ какою нибудь сильною, смѣлою и язвительною насмѣшкой, а самъ оставался при своемъ и дѣлалъ свое. Это, правда, самый горькій, унизительный и не примиримый способъ состязаться съ противниками, въ особенности со слабѣйшими и съ тѣми, у коихъ не чиста совѣсть.

Братья Бикея, о которыхъ мы говорили, были Джанъ–Кучюкъ и Кунакъ–бай. У кайсаковъ есть монгольскій или калмыцкій обычай, который встрѣчаемъ также у полукочевыхъ башкировъ, но котораго не знаютъ другіе мусульманскіе народы, давать имя новорожденному, по произволу, съ перваго встрѣчнаго предмета или понятія. Такъ, напримѣръ, замѣчательное имя Куте–баръ, принадлежавшее довольно замѣчательному лицу, показываетъ до чего простирается вольность кайсаковъ въ

избранiи именъ и какъ мало стѣсняются они при этомъ какими либо условiями. Имя Исянгильди, въ переводѣ: добро пожаловать, здорово пришелъ; Кунакъ–Бай, значитъ: богатый другъ; но Джанъ–Кучюкъ, душа–собака, собачья душа, есть кличка достойная негодяя, которому принадлежала, или принадлежитъ, ибо онъ живъ и донынѣ. Джанъ–Кучюкъ былъ одинъ изъ тѣхъ дикарей, котораго можно и должно называть просто звѣремъ, не распространяясь въ картинномъ изображенiи безсмысленно–звѣрскаго нрава его, не исчерпая на него весь запасъ поносныхъ и ругательныхъ словъ, богатаго русскаго языка. Кайсакъ свыкся и сжился со всѣми ужасами разбойничей, междоусобной жизни и тѣшится огнемъ и ножемъ, всюду, гдѣ только судьба и случай предаетъ ему на истязанiе живое существо; онъ никогда не удовольствуется убiенiемъ врага или противника, обыкновенно даже избѣгаетъ этого, если боится заплатить послѣ за это кунъ — но онъ изобрѣтаетъ муки и истязанiя, передъ которыми вся

нынѣшняя школа юной Франціи, должна почтительно поникнуть главою и подать ему, Джанъ–Кучюку съ сотоварищи, вѣнецъ первенства и совершенства.

Судъ и расправа Кайсаковъ при–линѣйныхъ, нынѣ въ рукахъ у султановъ–правителей, кои, числомъ трое, управляютъ оренбургскими кайсаками съ 1824 года, со времени уничтоженія ханской власти въ степи. Полезное преобразованіе это послѣдовало по случаю самовольнаго удаленія бывшаго хана Ширгазы Каипова въ Хиву. Онъ возвратился съ раскаяніемъ, когда ханъ хивинскій обобралъ у него, мало по малу, всѣ подарки Царскіе: алмазы, пожалованные женѣ его, ханшѣ, ханджаръ и прочее, и живетъ теперь милостію Правительства нашего, но вѣсу и значенія не имѣетъ вовсе. Султаны–правители состоятъ подъ непосредственнымъ вѣденіемъ Пограничной Комисіи, подчиненной военному губернатору; уголовныя дѣла рѣшаются по нашимъ, русскимъ постановленіямъ; но судъ и рядъ удаленныхъ отъ Линіи родовъ киргискихъ,

находится въ рукахъ сильнаго; а сильный — это богатый, или прославившійся разбоями наѣздникъ. Султаны, потомки Чингисъ–хана, коимъ даютъ прозваніе акъ–сюякъ или акъ–сюнгякъ, бѣлая, благородная кость, отличаются чисто монгольскими очерками лица; они завоевали степь, вѣроятно гораздо позже заселенія ея кайсаками. Султаны, кажется, были вытѣснены на югъ изъ Сибири, при завоеваніи ее русскими; народъ кайсацкій принялъ ихъ какъ бѣлую кость Чингиса, съ благоговѣніемъ, и они живутъ доселѣ больше или меньше на счетъ этого народа. Впрочемъ, не должно думать, чтобы султаны имѣли какую либо власть надъ чернью киргиской: эта совсѣмъ въ другомъ къ нимъ отношеніи, чѣмъ *хара*, черные, простые калмыки, къ *цаганъ–ясанъ*, къ бѣлой кости своихъ ноіоновъ и зайсанговъ; простые калмыки болѣе нежели крѣпостные; они рабы безотвѣтные; а кайсакъ воленъ и свободенъ и очень, очень мало повинуется своимъ султанамъ. Не смотря на это, султаны иногда

преимущественно достигаютъ власти и вліянія на одноземцевъ своихъ; извѣстный султанъ Арунгазы, умершій въ ссылкѣ, въ Калугѣ, былъ человѣкъ необыкновенный; онъ пріобрѣлъ неслыханную до толѣ власть надъ народомъ, который трепеталъ отъ голоса его, питалъ къ нему раболѣпную и безусловную покорность. Это у кайсаковъ явленіе довольно рѣдкое; обыкновенно не ставятъ они султановъ и старшинъ своихъ ни вочто, и повинуются имъ развѣ только тамъ, гдѣ требованія ихъ подкрѣпляются русскими отрядами. Но Арунгазы умѣлъ ладить съ народомъ; при немъ, между прочимъ, баранта — этотъ истый бичъ кайсаковъ, почти вовсе вывелась; никто не дерзалъ прибѣгать къ этому гибельному самоуправству, а шелъ съ жалобою и просьбою къ Арунгазыю: и ярлыкъ, съ грушевидною печатью султана, былъ свято чтимъ получателемъ, который вмѣсто отвѣта, мирился и раздѣлывался немедленно съ обиженнымъ. Султанъ Аргунгазы казнилъ неоднократно смертію; онъ просто рѣзалъ ихъ, связанныхъ,

ножемъ какъ барановъ! На вопросъ мой у кайсаковъ, кто при этомъ служилъ ему за палача? отвѣчали мнѣ, что каждый, у кого только на ту пору случался на поясѣ ножъ, кидался, наперерывъ, исполнить повелѣніе хана — какъ они обыкновенно называли султана Арунгазы. Мнѣ указали, между прочимъ, и на Джанъ–Кучюка, который лежалъ на грязной кошмѣ, подставивъ черный бритый затылокъ солнечнымъ лучамъ, подъ коими тепломѣръ Реомюровъ показывалъ за 40 градусовъ, указали на него, и сказали: «и этотъ ловко рѣжетъ, и служилъ бывало ножемъ своимъ хану!»

Не смотря на такіе и иные ужасы двухъ крайностей: безначалія и самовластія, азіятца трудно вразумить, что дѣла могли и должны бы итти иначе и лучше. Сосѣди наши стали, и стоятъ уже нѣсколько столѣтій на одномъ мѣстѣ, на одной и той же степени невѣжества и изувѣрства; не оглядываются назадъ, не смотрятъ впередъ и коснѣютъ въ тупой, животной жизни. Кочевые народы, сверхъ этого, дорожатъ своею дикою, безтолковою независимостію,

покрайней мѣрѣ столько же, какъ неукротимые ихъ тарпаны и куланы. Кайсаки до того ненавидятъ правосудіе наше, наши обряды судопроизводства, что предпочитаютъ имъ всякую домашнюю расправу, лишь бы дѣло было кончено на словахъ, въ одинъ пріемъ, лишь бы обвиненному и прикосновенному не тягаться мѣсяцы и годы, не сидѣть, ожидая медленной, томительной переписки, въ какомъ нибудь гниломъ острогѣ, гдѣ онъ весьма не рѣдко, не дождавшись конца расправы, гибнетъ. Кому мало простора между Яикомъ и Сыръ–Дарьею, тому тѣсно и душно за–живо въ подземномъ склепѣ.

Коренной судъ кайсаковъ таковъ: ханъ или султанъ съ почетными аксакалами, біями, старшинами и муллами, садятся въ глубинѣ кибитки: истецъ со свидѣтелями по правую, отвѣтчикъ со свидѣтелями по лѣвую руку; первый начинаетъ говорить и расказываетъ дѣло, со всѣми подробностями; свидѣтели поддерживаютъ его, дополняютъ, поясняютъ и подтверждаютъ; потомъ другая половина

расказываетъ дѣло сначала и до конца, по своему; во все это время одна половина другую перебивать не смѣетъ и всѣми присутствующими сохраняется глубокое молчаніе. Наконецъ, всѣ выходятъ: султанъ или ханъ совѣтуется съ біями и муллами, произноситъ приговоръ и обѣ половины призываются для выслушанія его; тѣмъ дѣло кончено, нѣтъ ни споровъ, ни апеляцій; рѣшеніе выслушивается въ молчаніи, съ уваженіемъ, и исполненіе слѣдуетъ за нимъ. Не скажу, впрочемъ, чтобы приговоръ этотъ былъ всегда справедливъ и безкорыстенъ; пишкешъ, то есть почетные подарки и гостинцы, у азіятцевъ во всеобщемъ употребленіи и дѣло рѣдко безъ этого обойдется. Но кайсаки на это жалуются тогда только, если уже корысть судьи превосходитъ силы и достояніе просителя; умѣренныя взятки считаются дѣломъ позволительнымъ, даже необходимымъ; это обычный пишкешъ или буйлякъ. У осѣдлыхъ азіятцевъ, гдѣ нѣтъ ничего патріархальнаго, бываетъ гораздо болѣе зла и безотчетнаго самовластія: что

дѣлается въ Хивѣ, въ Бохарѣ, это расказать можно, но повѣрить трудно. Раджа Кашемирскій забираетъ особымъ ферманомъ, которымъ, подъ смертною казнью воспрещается продажа или утайка хлѣба, забираетъ весь годичный запасъ его въ свои житницы и платитъ хозяевамъ по произволу. Тутъ всякій спасаетъ, хоронитъ и зарываетъ въ землю, что можетъ; рѣдкій отдаетъ хлѣбъ свой, не подставивъ напередъ разъ, другой подошевъ своихъ; а иной приплачивается, за неудачную попытку утаить его, головою. Наконецъ, дѣло слажено, житницы раджи полны, а народъ безъ хлѣба. Тогда докладываютъ ему, что народъ ѣсть хочетъ; и голодъ свирѣпствуетъ, народъ умоляетъ открыть продажу, не погубить, не выморить всей земли своей.... Раджа еще медлитъ. Голодныя толпы облегаютъ сераль его, съ утра до поздней ночи, просятъ, безъ умолку, хлѣба. Тогда наконецъ, объявляется необычайная милость раджи: продажа закупленнаго хлѣба разрѣшена; особые чиновники, диванъ–беги и ясаулы,

отпускаютъ просо, пшеничку, сорочинское пшено, на вѣсъ, по десятеричной, противу закупа, цѣнѣ. Это не вымыселъ, а истинное происшествіе, которое, сверхъ того, повторялось уже нѣсколько разъ, въ странѣ, благословенной природою и угнетенной звѣрскими завоевателями. Но кашмирецъ не видитъ тутъ ничего чрезвычайнаго; онъ плачетъ, кряхтитъ и терпитъ; умираетъ съ голоду, и терпитъ; у него и думы нѣтъ, чтобы ханъ, раджа, аталыкъ, могъ когда либо поступить иначе; — онъ слышалъ съ издѣтства, что предшественники раджи дѣлали такъ; онъ расказываетъ дѣтямъ и внучатамъ, что потомки раджи будутъ поступать также; и дѣло, по его мнѣнію, основано на непостижимомъ промыслѣ Аллаха и на книгѣ пророка его. Бохарецъ или хивинецъ спокойно глядитъ на самовольные, безотвѣтные, ужасающіе насъ поступки хана: глядитъ, и не смигнетъ глазомъ, когда, перерѣзавъ, по тому же неизмѣнному обычаю, глотку несчастнаго опальнаго, чтобы кровь его сперва обагрила

землю, вѣшаютъ его, уже зарѣзаннаго, среди Регистана, дворцовой площади — глядитъ на это и даже никогда не спроситъ: за что зарѣзанъ и повѣшенъ такой–то? Онъ знаетъ одну только причину: ханъ велѣлъ; инакъ, аталыкъ, кушбеги приказали — и дѣлу тому конецъ. Но приведите того же азіятца въ наши тюремные замки — и всегда равнодушное къ бѣдствіямъ ближняго лице, впервые въ жизни изобразитъ страхъ и ужасъ. Ему, азіятцу, покрайней мѣрѣ невозможно будетъ объяснить, что это не что иное, какъ мѣра благоустроенной предосторожности. Этого онъ не пойметъ.

Бикей, о которомъ начинаю говорить въ десятый разъ, и все опять сбиваюсь на иные, посторонніе предметы, но на предметы, состоящіе въ близкой и тѣсной связи съ расказомъ моимъ, на предметы вѣроятно не многимъ читателямъ близко знакомые, — Бикей кочевалъ съ Гассановскимъ отдѣленіемъ рода Тана, противу нижнеуральской Линіи, водился и знался съ чиновниками казачьими, былъ любимъ русскимъ начальствомъ за

прямоту, бойкій умъ и какой–то видъ образованности; Бикей дарилъ и угощалъ кунаковъ своихъ съ Линіи всѣмъ, что было у него любаго и дорогаго; а у кайсака, для гостя, завѣтнаго нѣтъ; за то уже и самъ онъ, будучи вашимъ гостемъ, беретъ, за–словомъ, что ему приглянется. Бикей жилъ не по нутру, не по духу отца, а и пуще братьевъ. Дружба и связи съ Линѣйцами давали ему не рѣдко средства и способы къ высвобожденію задержаннаго однородца, къ прекращенію полинѣйныхъ раздоровъ, за потраву стожка, выставленнаго, кажется съ намѣреніемъ, въ степь, чтобы тебенюющіе, тощіе кони растеребили его и хозяинъ имѣлъ бы случай и поводъ взыскать съ кайсака пару барановъ; или за украденную овцу, за съѣденную кобылу; и Бикей, который такъ ли, иначе ли, но умѣлъ ладить съ тогдашнимъ атаманомъ, и, по какой бы то ни было нуждѣ, даромъ въ Уральскъ не ѣзжалъ, а каждый разъ привозилъ какую нибудь добрую вѣсточку, пріобрѣлъ любовь и довѣренность своего народа. 88–ми–лѣтній Исянгильди и самъ

уже видѣлъ, что ему не подъ силу тягаться и управляться на ровнѣ съ молодецкимъ сыномъ; но сознаться въ этомъ и уступить народному гласу не хотѣлъ. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ сынѣ этомъ подпору и вѣрнаго сподвижника, искалъ онъ въ немъ, натравливаемый братьями Бикея, врага — соперника и самозванца. Чѣмъ менѣе онъ находилъ все это въ Бикеѣ, тѣмъ болѣе коварные клеветники старались усиливать темные доносы свои на дѣйствія Бикея, и выставлять открытаго, бойкаго, нѣсколько легкомысленнаго сына, скрытнымъ, буйнымъ, самовольнымъ и умышляющимъ. Когда же бывало Бикей, одѣтый гораздо щеголеватѣе всѣхъ однородцевъ своихъ, въ синемъ чекменѣ съ позументомъ по косому вороту, съ остроконечною тюбетеей на бекрень, вскочивъ на коня, котораго беригъ и любилъ пуще глазу праваго, стрѣлой пускался по аулу, и сотни голосовъ провожали его кликомъ: *Джигитъ! Батыръ! Батыръ!* А дѣвки, сидя на землѣ и снуя по колышкамъ основу изъ верблюжьяго гаруса, на самоцвѣтную

армячину, оглядывались на Бикея, поправляли бархатную, стеклярусомъ и перьями украшенную шапчонку — а старухи, выминая въ одеревенѣлыхъ рукахъ своихъ жесткую, черствую сыромять, вымоченную въ молокѣ, прокопченую на дымѣ, перебранивались съ шаловливыми ткачками — тогда братья Бикея обыкновенно отворачивались отъ него, насунувъ валеные колпаки на бровистыя очи, и вступая въ кибитки свои, ворчали въ полголоса, или перебранивались съ отцемъ, за то, что онъ даетъ Бикею много воли.

Приступая теперь къ новой главѣ расказа, который, по многимъ отношеніямъ, заслуживаетъ, какъ происшествіе, быть памятнымъ, не знаю какъ быть: предоставитъ ли читателямъ моимъ отгадывать, къ которому изъ двухъ разрядовъ, *былей* или *небылицъ*, (*) принадлежитъ Мауляна моя, или уже сказать, что говорю не сказку, а голую бывальщину? Знаю, что многіе

(*) Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ свѣтъ первое изданіе нѣкоторыхъ повѣстей и расказовъ сочинителя.

бытописательныхъ расказовъ не любятъ; многіе въ нихъ и не вѣрятъ; а иные, знатоки и браковщики, говорятъ и пишутъ, что повѣстей чисто историческихъ нѣтъ, или быть не должно; что голь не заманчива, а правда гола какъ крючокъ безъ наживки; что на нее ни рыбки, ни рака не поймаешь! Какъ хотите, господа; мнѣ васъ не переучить, а и того менѣе разувѣрить; можетъ быть и тутъ, какъ всюду, правое дѣло середина. Скажу однако о расказѣ моемъ, на всякой случай, вотъ что: не только всѣ главныя черты его взяты съ подлиннаго, бывалаго дѣла, но мнѣ не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочнаго обстоятельства, вплетать какую либо выдумку; все происшествіе расказано такъ, какъ было, и было въ точности такъ, какъ расказано. Не хочу пускаться здѣсь ни въ какія логическія, риторическія и піитическія разсужденія; замѣчу только, что излишне, кажется, было бы переиначивать дѣло и мудровать надъ нимъ, если оно, само по себѣ, будучи изложено просто и въ такомъ точно видѣ

какъ было, представляетъ цѣпь дѣйствій и послѣдствій, составляющихъ одно, стройное цѣлое, основанное на чудномъ сплетеніи умственныхъ способностей и нравственныхъ качествъ человѣка, на обычаяхъ народныхъ, мѣстныхъ; словомъ, если простой расказъ происшествія живописуетъ намъ человѣка, въ смыслѣ общемъ, и человѣка въ значеніи частномъ: раба страстей, привычекъ и обычаевъ родины своей, того клочка земли, къ которому не приросъ онъ корнями вещественными, подобно чилигѣ, таволгѣ и ковылу, приросъ однакоже корнями духовными, незримыми, и не менѣе глубокими. Такъ, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы не былъ рабомъ въ этомъ двоякомъ смыслѣ: рабомъ въ себѣ и отъ себя, отъ природы, какъ существо конечное, земное — рабомъ раба, какъ существо, подчинившее себя какимъ–то произвольнымъ, часто смѣшнымъ и нелѣпымъ условіямъ, привычкамъ, приличіямъ, обычаямъ.... Очень мало людей гибнетъ отъ прямаго зла, отъ

сатанинской жажды губить людей и тѣшиться ихъ томленіями; а гибнутъ сотни и тысячи, отъ недоумѣній, отъ недомолвокъ, отъ обычая и обыкновенія, отъ какихъ–то условныхъ правилъ и особыхъ ухватокъ и ужимокъ житейскихъ и условныхъ и законовъ приличія. — Переберите у себя въ памяти нѣсколько вамъ извѣстныхъ случаевъ, гдѣ люди жертвовали людьми, и эти гибли для жизни общественной, — и вы со мною согласитесь. И здѣсь, въ повѣсти моей, увидите вы тоже: это быль, гдѣ люди выказываются въ двоякомъ отношеніи своемъ къ себѣ самимъ и къ мѣстности.

=

ГЛАВА 3.

БАТЫРЬ.

—

Отношенія Бикея къ братьямъ своимъ и къ отцу, были бы уже достаточны сами по себѣ, въ быту черстваго, дикаго народа, чтобы поселить непримиримую вражду между той и другой стороною; но ко всему

этому присоединилось еще одно обстоятельство, важнѣйшее по существу и по послѣдствіямъ своимъ.

У кайсаковъ есть обычай, просватывать дочерей еще въ малолѣтствѣ; стараются получить за нее *калымъ* или выкупъ, (*) чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Родители жениха и невѣсты условливаются въ этомъ калымѣ, въ платѣ, приношеніи, со стороны жениха; молодой парень и дѣвчонка слывутъ парою, калымъ выплачивается исподволь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Женихъ, возмужавъ, ѣздитъ изъ своего аула гостить въ аулъ невѣсты, иногда на весьма значительное растояніе, въ богатомъ убранствѣ и на лихомъ конѣ; и если хочетъ показаться невѣстѣ молодцомъ, въ сопровожденіи одного только или двухъ старшихъ товарищей. *Ага*, старшій братъ или дядя, обыкновенно бываетъ таварищемъ — юлдашъ — странствующаго рыцаря любви. Тогда родители невѣсты сберегаютъ для него завѣтное мѣсто,

(*) Во многихъ русскихъ губерніяхъ крестьяне тоже даютъ *калымъ* за невѣстъ и плата эта называется *кладкой.*

лужокъ, который означаютъ, какъ и всякое занятое уже подъ кочевье мѣсто, воткнутымъ въ землю копьемъ; тамъ они раскидываютъ кибитку, или, буде есть, небольшой шатеръ, гдѣ женихъ, выкупивъ невѣсту свою въ каждый пріѣздъ сызнова у старухъ, родственницъ ея, которыя защищаютъ ее иногда до нешуточной драки, тѣшится и нѣжится невозбранно, за все время пребыванія своего въ аулѣ. Влюбленный же кайсакъ получаетъ не рѣдко отъ дѣвки, которая отвѣчаетъ склонности его, завернутую въ бумажку алую шелковинку, немного гвоздики и два, три, совиныхъ перышка, носимыхъ обыкновенно дѣвками на шапочкахъ своихъ и служащихъ представителями дѣвственности. Переѣздъ жениха въ сотню, другую, верстъ, а иногда и болѣе, по степи, бываетъ не безопасенъ. Каждый безъ исключенія путникъ — *джюлаучи*, каждый бѣглецъ или бродяга — коихъ, мимоходомъ сказать, въ степи довольно, и даже изъ числа ссылочныхъ въ Сибирь — каждый человѣкъ, достигшій аула, почитается

гостемъ и можетъ быть увѣренъ въ безопасности своей; но на переѣздѣ степномъ, не рѣдко встрѣчается онъ съ толпами *джюрюкчи*, барантовщиковъ, отправляющихся по междоусобнымъ расчетамъ въ извѣстный родъ, для грабежа и самоуправной мисти; и эти–то отряды, на воровскомъ поискѣ своемъ, не щадятъ уже, въ неукротимомъ иступленіи своемъ, никого; или наконецъ, путникъ встрѣчается съ записными разбойниками, добывшими себѣ славу батырей непобѣдимыхъ, немилосердыхъ, промышляющихъ и дышащихъ разбоями и грабежами. Къ этому сословію принадлежалъ, на примѣръ, покинувшій послѣ жалкой, но достойной смерти своей, незабвенную по себѣ славу и нареканіе, батырь Чиклинскаго рода, разбойникъ Кутебаръ: онъ, ѣздивъ мирить Чумекейцевъ съ Чиклинцами, съѣхался ночью съ дружественнымъ, Джегалбайлинскимъ отрядомъ; не опознавъ другъ друга, обозвались путники, по взаимной окличкѣ, изъ предосторожности, ложными родами; толпа Джегалбайлинцевъ

сказалась Чумекейцами, а Кутебаръ, у котораго совѣсть была крѣпко не чиста, на счетъ бѣдныхъ Чумекейцевъ, коихъ онъ варварски ограбилъ и разорилъ, не разсудилъ за благо попасться имъ въ руки, особенно ночью, глазъ на глазъ; онъ испугался отзыва: Чумекей, и кинулся бѣжать; добрый конь и вынесъ—было его уже изъ мнимо вражеской толпы, но поскакавъ въ противную сторону, налетѣлъ онъ на копья двухъ отсталыхъ, оборванныхъ худоконныхъ мальчишекъ и палъ, съ обломками ихъ копій подъ ребрами. Тщетно силился онъ сорвать зубами платокъ, коимъ, вмѣсто чехла, былъ замотанъ пистолетъ его; онъ палъ, изодравъ себѣ губы и изгрызши, въ отчаяньи и въ торопяхъ, собственные пальцы свои до костей!

Такая шайка, увидавъ въ степи коннаго путника, немедленно обскакиваетъ его, старается догнать или окружить; если онъ не можетъ уйти и скрыться, доколѣ неумолимая погоня едва мелькаетъ въ далекѣ, то становится на колѣни и съ

покорностію и смиреніемъ ожидаетъ участи своей. Но его рѣдко пощадятъ; то, что въ иномъ мѣстѣ могло бы спасти васъ, здѣсь всегда погубитъ: кайсакъ не знаетъ состраданія къ слабому, къ безоружному, охотнѣе всего нападаетъ самъ–сотъ на одного, а еще охотнѣе на соннаго, на женъ, на дѣтей. — Невѣрнаго, то есть иновѣрца, уводятъ въ плѣнъ и продаютъ, какъ товаръ, обыкновенно въ Хиву; но довольно странно, что русскіе, калмыки и персіяне (послѣдніе какъ шіиты), преимущественно попадаютъ въ рабство, а евреи, индійцы и армяне, никогда не лишаются свободы, не обращаются въ неволю и на базарахъ Востока не продаются. Правовѣрнаго же, татарина, башкира, или своего брата кайсака, обираютъ грабители до нитки, въ буквальномъ значеніи слова, и покидаютъ на произволъ судьбы. Если вблизи нѣтъ ауловъ, если ограбленный не набредетъ на нихъ случайно, то его ждетъ участь ужасная. Предвидя гибель свою, не отстаетъ онъ отъ слѣдующихъ путемъ своимъ грабителей, доколѣ не будетъ ими

избитъ до полусмерти, или доколѣ самъ, выбившись изъ силъ, не свалится съ ногъ. Тогда провожаетъ онъ глазами удаляющихся вершниковъ, слѣдитъ ихъ, по самый небосклонъ — и остается одинъ, на необъятномъ морѣ степей; одинъ, безъ помощи, безъ пищи, безъ средствъ и безъ надежды. Зной неимовѣрный печетъ голое тѣло его, палитъ обнаженное темя; голодъ и жажда истомляютъ силы — онъ шатается, утративъ всякое соображеніе и познаніе мѣстности, — и достается, почти заживо, на снѣдь плотоядному беркуту и стаѣ хищныхъ коршуновъ, которые творятъ по немъ тризну его же плотію, между тѣмъ какъ трусливые степные волки и шакалы отпѣваютъ покойника по ночамъ дружными, заунывными голосами. Но иногда это нагое, покинутое, изнуренное существо, бродя въ какомъ–то безумномъ, полуживомъ состояніи по изсушенному океану, достигаетъ подвижнаго жилья собратовъ; и, если найдется милосердый и щедрый обладатель стадъ и табуновъ, то выходецъ съ того свѣта поступаетъ къ нему, за

поденное, скудное пропитаніе, въ работники. Неимовѣрно, что можетъ перенести слабое существо это, человѣкъ, это бренное, хилое животное! Въ одномъ аулѣ поймали киргиза сосѣдняго рода, который подползъ–было высматривать и выжидать удобнаго для воровства часу. Избивши его нагайками въ одинъ битокъ, посадили его, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, позднею осенью, въ морозъ, по шею въ воду; его вытащили изъ воды только на другое утро, когда находившійся тамъ случайно съ отрядомъ офицеръ нашъ, приказалъ вынуть хотя трупъ мученика. Но онъ, ко всеобщему удивленію, былъ еще живъ; тѣло его побагровѣло и посинѣло, черныя губы дрожали — болѣе знаковъ жизни не было. Его завернули въ кошму, положили около огня, и киргизы, зная пріятеля своего, подставили ему огромное корыто *бишбармаку* или *кулламы*, пятипалаго или ручнаго кушанья, крошенаго бараньяго сала и мяса. Лишь только покойникъ нашъ немного отошелъ на теплѣ, какъ началъ визжать едва внятно; потомъ,

рука изъ–подъ кошмы протянулась къ корыту и горсть за горстью отправлялась въ пасть усопшаго. Съѣвши такимъ образомъ полное корыто бишбармаку, полное корыто крошенаго сала и мяса, и выпивши цѣлый *турсукъ* — сшитый изъ шкуры двухъ окороковъ конскихъ мѣхъ — кумызу, нашъ отпѣтый всталъ, встряхнулся, сѣлъ на коня и вышелъ тотже молодецъ, что былъ вчера объ эту пору! Другой, родной братъ извѣстнаго нынѣ Джана–Кашки, пустился зимою самъ–шестъ на промыселъ, былъ пойманъ, избитъ весь въ одинъ синякъ, раздѣтъ до–нага и пущенъ. Онъ, зарывшись въ снѣгъ, просидѣлъ тамъ ровно пятеры сутки, съ одною овчинкою, которая служила ему во все это время и пищею, и подстилкою и покрышкой. Онъ былъ отысканъ уже на шестой день, и то случайно, и живъ по нынѣ. Онъ увѣряетъ, что ему было совсѣмъ хорошо, и тепло и сытно; онъ спалъ, день и ночь, а просыпаясь сосалъ овчинку.

И такъ, не мудрено, что пробраться степью за 200, 300 верстъ, самъ–другъ или

самъ–третей, считается молодечествомъ; и естественно также, что суженый, навѣщая невѣсту свою, стыдится отправляться съ толпою или караваномъ, а прокрадывается самъ–другъ или одинъ.

Удивительно, что ни одинъ маломальски порядочный кайсакъ, не откажется и не призадумается ѣхать куда угодно, пускаясь на произволъ судьбы и на авось; что, въ случаѣ плѣна, переноситъ и выдерживаетъ безчеловѣчныя, звѣрскія мученія съ неимовѣрною твердостію, не испустивъ ни одного стона; но что при первой опасности, въ стычкѣ и на бою, первое, врожденное движеніе кайсака, это оглянуться назадъ, свободенъ ли обратный путь; а второе: струсить и бѣжать по этому пути, безъ оглядки! Кайсакъ черствъ, стоекъ, терпѣливъ, равнодушенъ и особенно живущъ до невѣроятности, предпріимчивъ и дерзокъ на похожденія и покушенія, но открытаго бою не любитъ, это не его дѣло.

Бикей давно уже засваталъ дѣвку сосѣдняго Баюлинскаго рода, отдѣленія Байбакты, дочь старшины Тохтамыша, по

имени Дамиля; или лучше сказать, отецъ просваталъ его, а самъ онъ поглядывалъ еще по сторонамъ. Онъ не торопилъ отца уплатою калыма, ибо молодецкая жизнь ему еще не надокучила; онъ медлилъ, самъ не зная чего, хотя и не думалъ противиться волѣ отцовской и обычаю народному и самъ считалъ Дамилю своею невѣстой. Однако, доселѣ, онъ какъ–то еще съ нею не свыкся, не слюбился.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда одинъ изъ сосѣднихъ султановъ объявилъ годовщину, тризну, по какомъ–то покойномъ родственникѣ своемъ; празднество, совершаемое обыкновенно съ расточительнымъ великолѣпіемъ, если только скачка, пляска, ристалища, борьба, игры и пѣсни нѣсколькихъ сотъ, а можетъ быть и тысячъ, дикарей, которыхъ тороватый хозяинъ кормитъ бараниною и кониною и наливаетъ кумызомъ до нильзя, можно назвать великолѣпіемъ. Большая часть гостей, — а приглашенъ всякой, на 500 верстъ въ окружности — приводятъ съ собою и подносятъ хозяину лошадь,

барана, верблюда или хотя турсукъ кумызу; и этотъ обычай уменьшаетъ значительно расходы хозяина, у котораго огромная толпа съѣла бы въ два, три дня, все достояніе его. Даровой скотины этой бываетъ также большею частію достаточно, для ставокъ въ скачкахъ, хотя ставки бываютъ иногда довольно богатые: косячекъ лошадей, или 15—20 верблюдовъ. Но въ обжорствѣ состоитъ главное празднество. Нѣкоторые гости выпарываютъ изъ кожаныхъ шароваръ своихъ карманы, завязываютъ внизу штанины вкругъ ноги, и во время обѣда наполняютъ все пространство это крошенымъ жиромъ и мясомъ: этимъ любимымъ и всегдашнимъ кушаньемъ, извѣстнымъ, какъ упомянули мы, подъ именемъ кулламы или бишбармаку, ручнаго или пятипалаго блюда. Скромнѣйшіе гости завязываютъ остатки въ концы своего пояса, но всѣ безъ исключенія набиваютъ ротъ огромными пригоршнями крупно искрошеннаго мяса и глотаютъ его почти цѣликомъ. Другъ друга потчуютъ они — и

особенно почетнѣйшихъ — поднося имъ вирхомъ накладенную горсть мяса, жиру и хряща: учтивый вельможа обязанъ захватить все это разомъ въ ротъ и проглотить, при чемъ не рѣдко у него очи на лобъ вылазятъ и вся рожа вздувается горою — но дѣло сдѣлано и приличіе соблюдено. Люди — вездѣ люди, вездѣ рабы обыкновеній и приличій!

Уже историкъ Абулъ–Газы, котораго можно бы справедливѣе назвать сказочникомъ, въ своей исторіи монголовъ и татаръ, восхитившись пиромъ, который данъ былъ Угузъ–Ханомъ, начинаетъ воспѣвать его въ стихахъ такъ:

Девять сотъ кобылъ, девять тысячъ барановъ убилъ;

Девяносто девять кожаныхъ водоемовъ пошилъ,

Въ девять вина, въ девяносто кумызу наливалъ,

Да цѣлое войско свое на пиру угощалъ!

Послѣ ѣды и обжорства, четвероногіе обитатели степей, кони, первыя дѣйствующія лица, а люди уже

второстепенныя; это пиръ, гдѣ лошади, какъ и всюду у этого коннорожденнаго народа, занимаютъ первыя, почетныя мѣста; гдѣ можно только отличиться батырствомъ на конѣ и этимъ стяжать скаковые ставки богачей и лестный, дружный припѣвъ и похвалу нѣсколькихъ десятковъ степныхъ красавицъ, которыя, садяся вечеркомъ въ кружокъ, воспѣваютъ, томнымъ и тоскливымъ напѣвомъ, но чистыми и пріятными голосами, молодечество новаго джигита, воспѣваютъ на обумъ, иногда не дурно вылившимися стихами. —

Какъ рѣдки стали впрочемъ нынѣ въ степи добрые, киргискіе кони, можно заключить изъ того, что иногда изъ огромнаго табуна, въ нѣсколько тысячъ лошадей, почти нечего выбрать; пятокъ, а много десятокъ; остальные дрянь. Это происходитъ отъ безтолочи и небреженія; кайсаки, равно какъ и башкиры, считаютъ только, сколько головъ скота у нихъ и этимъ похваляются; а прочее все предоставляютъ Аллаху и великому его

послу. Въ оренбургскомъ краѣ, не выключая степи, числится до миліона лошадей; 20,000 идетъ ежегодно въ продажу, и въ томъ числѣ болѣе половины въ степь; время, когда, на оборотъ, кайсаки пригоняли табуны свои для продажи на Линію, ушло далеко, и, кажется, невозвратимо; нынѣ линѣйцы становятся безпечными пастухами, а киргизы засѣваютъ хлѣбомъ огромныя пространства.

Къ скачкѣ, какъ извѣстно, подготавливаютъ, подмариваютъ, подъяровываютъ степныхъ лошадей; въ этомъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ столько же удачи, сколько искуства: недояруешь — скакунъ загорится, тяжелъ, не дойдетъ; переяруешь — ослабѣетъ и опять таки станетъ. Подготовка эта состоитъ въ томъ, что лошадей, по зарямъ, проѣзжаютъ шагомъ и рысью до–поту, а потомъ оставляютъ на всю ночь въ сѣдлѣ и безъ корму. Если вспомнить, что лошади эти не видятъ и не знаютъ овса — изрѣдка любимаго скакуна, баловня, кайсаки поятъ кобыльимъ молокомъ — что они не кованы

и круглый годъ на подножномъ корму, то нельзя не согласиться, что порода эта необычайно крѣпка. Одноконный кайсакъ дѣлаетъ въ сутки верстъ по сту, — а двуконный полтораста. Въ Бохару, мѣрныя 1500 верстъ, кайсакъ о двуконь поспѣваетъ въ двѣ недѣли и иногда скорѣе. — На скачкахъ, кайсаки берутъ обыкновенно растояніе отъ 30 до 50 верстъ; скакуны, на этомъ растояніи, проходятъ версту въ полторы минуты, иногда и скорѣе, въ 1′ 20″.

Борьба кайсаковъ и башкировъ почти одинакова; но она не походитъ на борьбу русскую. Подъ силки не берутся, подъ ножку не любятъ и не знаютъ — а закинувъ другъ другу поясъ на поясницу, заматываютъ каждый въ него обѣ руки, упираются одинъ въ другаго правыми плечами и возятся, что медвѣди, иногда четверть часа на одномъ мѣстѣ. Здѣсь рѣшаетъ сила: ловкость и искуство измѣняютъ.

Бохарцы, къ слову молвить, борятся крайне забавно: они раздѣваются и

разуваются, выступаютъ полунагіе, въ однихъ шароварахъ, ходятъ и кружатъ другъ противъ друга, словно пѣтухи, изворавливаются, прицѣливаются, со смѣшными ужимками, и вдругъ, улучивъ время, наскакиваютъ одинъ на другаго, схватываются какъ и за что ни попало, за ногу, за руку, за голову, и сцѣпившись мнутъ, ломаютъ и царапаютъ другъ друга какъ и кто сможетъ.

Но возвратимся къ своему пиру. Вмѣсто того, чтобы говорить вамъ Унгбай обскакалъ Бузауа, а Миндіаръ Сафарбая; Кутлугильди поборолъ Кагармана, Искендера и Урмана — вмѣсто этого, опишу извѣстную у кайсаковъ и страстно любимую ими игру, въ которой побѣдителя ждетъ награда неоцѣненная, а смѣхъ и поношеніе ожидаетъ побѣжденнаго. Дѣло вотъ какое: состязаются молодой парень, съ отборною, молодецкою дѣвкой. Дѣвка эта выѣзжаетъ на лихомъ скакунѣ, взмостившись, по обыкновенію, на высокое, попонами, одѣялами и подушками покрытое сѣдло; она выѣзжаетъ на лучшемъ и завѣтномъ

конѣ отца или брата, носится по чистому полю, налетаетъ на молодцевъ, замахивается на нихъ плетью, а коли который не увертливъ, такъ часомъ того и пріодѣнетъ; кричитъ, хохочетъ, рѣзвится и вызываетъ на бой. У кого сердечко по ней разгорится, тотъ кидается на коня и пускается въ погоню. Начинается травля и скачка — народъ реветъ, красавица мчится стрѣлой — молодецъ нагоняетъ — она даетъ крутой поворотъ въ бокъ, другой, опять впередъ, назадъ, наконецъ парень донимаетъ ее: то заскакиваетъ впередъ, и осаживая коня, старается только коснуться рукою персей ея; то настигая ее съ тылу и вытягиваясь въ маховую сажень, едва не досягаетъ ее рукою... онъ мечется и кидается, то стылу, то съ боку... дѣвка, не щадя ни парня, ни коня его, ни плети своей, съ которою право шутить вовсе невыгодно, стегаетъ зря и съ плеча и очертя голову по чемъ попало; молодецъ свивается клубомъ, налетаетъ соколомъ, подвертывается жгутикомъ и коснувшись однажды рукою груди ея, обнимаетъ уже смѣло сильными

мышцами противницу свою, и она уже не смѣетъ противиться; и степные кони дружно мчатся по мягкой травѣ, а обнявшіеся всадники, покинувъ повода, не заботятся о направленіи скакуновъ своихъ. Если же молодецъ принужденъ бываетъ отвязаться отъ дѣвки, не нагнавъ ее, не коснувшись рукою персей ея, тогда, какъ говорится, хорони головушку въ мать сыру землю; отъ посмѣянія и житья и проходу нѣтъ. А въ добавокъ, тогда уже дѣвка его нагоняетъ, и не давая своротить, гонитъ передъ собою до упаду и лупитъ нагайкою, *камчи*, при громогласныхъ крикахъ и хохотѣ народа. Это выходитъ: и стыдно и больно.

Дѣвка, въ аломъ, бархатномъ чапанѣ, подъ золотою стежкою, въ трехцвѣтныхъ, бохарскихъ сапогахъ, изъ чешуйчатой, ослиной кожи, въ острой, конической, бархатной шапочкѣ, унизанной бисеромъ и украшенной селезневыми и совиными перышками и темнозеленымъ, искусно набраннымъ висячимъ перомъ, длинными поднизями и сѣтками, кистями и

плетешками изъ разноцвѣтнаго бисера, корольковъ и стекляруса, дѣвка эта появилась верхомъ на просторѣ. Она, вопреки обыкновенному мнѣнію, смѣшивающему кайсаковъ нашихъ съ калмыками, съ которыми они ничего общаго не имѣютъ, лицемъ нисколько не была калмыковата; пріятный продолговатый обликъ, не томные, не нѣжные глазки, но быстрые, искрометные, темнокаріе очи, необычайной жизни и блеску; черты лица особенныя, свойственныя кайсачкѣ, но не менѣе того прекрасныя.

Пригожество и красота — вещи условныя; не знаю, приглянулась ли бы вамъ моя степная красавица съ перваго разу, особенно, если бы вы пожаловали въ зауральскую степь прямо съ партера Александринскаго театра, изъ филармонической залы, съ пышнаго придворнаго балу; — еслижъ нѣтъ, то виною этому былъ бы, вѣроятно, только тяжелый, мѣшковатый нарядъ ея; я думаю, что если бы вы обжились немного со степью и съ дикарями ея и дикарками, если бы

привыкли только къ этимъ тройнымъ и четвернымъ не подпоясаннымъ халатамъ, неуклюжимъ чоботамъ и мужиковатой поступи, то стали бы вглядываться въ иное свѣжее, дикое, яркое и смуглое лице, въ которомъ брови, рѣсницы, очи, губы и подборные, скатнаго жемчуга зубы, украсили бы любую изъ московскихъ и питерскихъ красавицъ, похожихъ не рѣдко — извините меня ниуча — на куколку, которую шаловливыя дѣвчонки умывали, и смыли съ нее и румянецъ, и алый цвѣтъ устъ, а въ голубыхъ глазахъ, оставили одинъ только блѣдный, мутный намекъ на прежній цвѣтъ ихъ. Плосковатое лице и нѣсколько выдавшіяся скулы не дѣлаютъ на меня никакого непріятнаго впечатлѣнія; а высокое чело и благообразный носъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ пріятному облику кайсачки.

И такъ, дѣвка эта сѣла и понеслась, давая круги: шумный говоръ и разнообразное движеніе оживили толпы и пестрые ряды множества гостей и зрителей; насмѣшки и колкія шутки сыпались градомъ

отъ дѣвокъ, бабъ и стариковъ, на молодежъ, на парней, которые стояли, почесывая бритые затылки и отшучиваясь площадными остротами, но и не думали скакаться со смѣлымъ вершникомъ, который, избочениваясь на каждомъ поворотѣ, давилъ толпу тяжеловѣсыхъ мужиковъ, между тѣмъ какъ эти едва успѣвали увертываться и раступаться. Слѣдомъ за нею раздавался хохотъ, и неповоротливые парни почесывали лбы, плеча и спины, на которыхъ глухіе удары камчи, удары нѣжной, дѣвичей руки, отзывались преизрядными синяками.

Бикей слѣдилъ ее глазами — оглянулся опять, кинулъ взоры на нее — опять вокругъ, на толпу, какъ будто удивляясь и не вѣря тому, что нѣтъ *шункара*, нѣтъ кречета, на эту пигалицу. И въ тотъ же мигъ она налетѣла вихремъ на него — народъ отхлынулъ съ крикомъ, и ребятишки въ давкѣ завизжали: — Бикей ни съ мѣста, какъ стоялъ, сложа руки и выставивъ ногу впередъ, такъ и остался, вперяя жадныя очи въ батырку, на рыжемъ,

нескладномъ, неутомимомъ скакунѣ. Она, пролетая мимо, замахнулась–было на Бикея, занесла руку, и быстро опустивъ карающую десницу, обмахнула повисшею на темлякѣ нагайкой два быстрыхъ круга около головы его — и промелькнула.

Не знаю почему, но милосердіе это странно поразило Бикея и круто имъ повернуло: онъ закричалъ: *биркъ–булъ!* держись! и уже несся вслѣдъ за непобѣдимою, за которою никто болѣе не посмѣлъ гнаться; всѣ знали горбоносаго скакуна ея, знали, что она, не щадя ни плечъ, ни головы друга–противника, сѣкла вальковою нагайкой оплошавшаго и не настигшаго ея состязателя; знали и то, что ее, со времени возмужалости ея, на всѣхъ игрищахъ и пирахъ, никто еще не догонялъ, не обнималъ. Понятно, что ловкость, смѣлость и умѣнье, здѣсь еще важнѣе быстроты скакуна: посадите легкихъ какъ пухъ красавицъ нашихъ, на любаго степнаго коня — и онѣ пропали; нѣтъ пощады, нѣтъ спасенья, они... о ужасъ! въ объятіяхъ неистоваго монголо–татара, который,

вѣроятно, при всей осторожности своей, изомнетъ и изломаетъ всѣ хрящеватыя, воробьиныя ребрышки ихъ, всю такъ называемую талію — извините, чуть не проговорился, не сказалъ станъ!

Не станемъ разбирать, какъ и чѣмъ взялъ Бикей: завѣтнымъ ли гнѣдымъ жеребцомъ, котораго выбралъ жеребенкомъ, на свою долю, изъ отцевскаго десятитысячнаго табуна, и въ которомъ души не чаялъ — или чѣмъ другимъ — скачкою ли взялъ, снаровкою–ли, или просто тѣмъ, что ринулся въ погоню нежданный, словно камень изъ за угла — все равно; довольно намъ потѣшиться картиной, оглянувшись на этотъ иступительный и оглушающій ревъ тысячи зрителей, и встрѣтить взоромъ всадниковъ нашихъ, въ самую ту минуту, когда Бикей, обнявъ станъ Мауляны крѣпко правою рукою, почти лежалъ, растянувшись и перегнувшись бокомъ съ упрямаго жеребца своего, который мчался рядомъ, но почти въ цѣлой сажени отъ рыжаго, горбоносаго

скакуна побѣжденной и задыхающейся отъ смѣху Мауляны.

Мауляна эта была нарѣченная невѣста старшаго брата Бикеева, который однакоже не заблагоразсудилъ съ нею скакаться, и стоялъ въ толпѣ зрителей; но все, что видѣли мы теперь, не могло быть по нраву злобному и ревнивому жениху, который, какъ не рѣдко видимъ это въ природѣ, былъ запятнанъ рукою ея и облеченъ знаменіемъ: онъ не имѣлъ пріятнаго и молодецкаго монголо–татарскаго лица Бикеева, въ которомъ большіе, яркіе глаза и носъ дугою соединяются съ плоскимъ лбомъ и выдавшимися впередъ щеками — онъ былъ очень дуренъ собой, и на изуродованномъ оспою подбородкѣ его, рѣдкая борода пробивалась только на одной, правой половинѣ. Онъ отвернулся и пошелъ прочь отъ толпы; и шумныя восклицанія: гоу, гоу, гоу, батырь! Джигитъ! поражавшія громогласно слухъ его, раздирали со всѣхъ сторонъ бѣшеное сердце. Оно вскипѣло местію, ненавистью,

и клокотало, доколѣ алая кровь еще текла въ жилахъ Бикея.

=

ГЛАВА 4.

БАРАНТА.

—

Что такое *баранта*?

Если одинъ кайсакъ у другаго украдетъ или угонитъ скотину, то за это платитъ онъ *туляу*, пеню; если же онъ отказывается отъ пени или не сознаится въ воровствѣ, а родъ или аулъ его не выдаетъ виновнаго, то біи и аксакалы разрѣшаютъ обиженнаго искать права силою; онъ набираетъ товарищей и отправляется, говоря: *барамнъ–та*, пойду до, пойду за — вотъ вамъ *барамта*, или, какъ говорятъ русскіе, баранта. Но при этомъ самоуправствѣ трудно знать ладъ и мѣру; одинъ захватываетъ болѣе, чѣмъ ему, по обычаю народному, слѣдовало; другой предъявляетъ искъ неправый; третій, пользуясь смятеніемъ и безпорядками, поживляется самъ на свою руку; опять

иной, въ сумятицѣ, не впопадъ угоняетъ скотъ не того хозяина, котораго бы слѣдовало; иногда у вора нѣтъ добра никакого, а родъ его отказывается отъ платежа и отвѣта; за все это насчитывается новая пеня, а за случайныя или умышленыя убійства, во время баранты, со стороны нападающихъ, *кунъ*, весьма значительный и часто неуплатимый; — бываетъ все это причиною и поводомъ тому, что взаимные расчеты, а съ ними и баранты и междоусобія, поддерживаемыя еще сверхъ этого султанами, которые въ мутной водѣ рыбу удятъ, расплодились и размножились до безконечности. Баранта обратилась въ какой–то гибельный, разорительный промыслъ степныхъ дикарей; всѣ роды и племена перепутались во взаимныхъ счетахъ и начетахъ, и пользуются каждымъ случаемъ для взаимнаго разоренія и нападенія. И здѣсь, какъ всюду, *мое* и *твое* служатъ поводомъ, началомъ и корнемъ взаимной враждѣ и усобицѣ. Строгая, суровая зима, впродолженіе которой ртуть стынетъ въ тепломѣрахъ

нашихъ и степные бураны заносятъ очи путника, кружатъ и мятутъ мысли и чувства его, до того, что онъ не въ состоянiи различить пяти пальцевъ своихъ передъ носомъ, едва удерживаютъ неукротимыхъ, свирѣпыхъ хищниковъ, въ лютости подобныхъ барсу, въ трусости степному волку; но, лишь только сочные ростки пробиваются на раннихъ солнопекахъ, отощавшiя на зимней *тебеневкѣ* кобылы мгновенно добрѣютъ, разъѣдаются — какъ и дикари, пробуждаются отъ зимней спячки своей; сытный, питательный *кумысъ* разливается алою кровью въ изсякшихъ жилахъ ихъ, краситъ щеки, наливаетъ блескомъ и жизнiю потухшiе очи — и шумныя толпы уже пускаются во всѣ стороны, на поискъ, разоряютъ безъ милосердiя другъ друга, безпощадно губятъ собственное достояніе и насущное пропитаніе свое. *Баранта*, *туляу* и *кунъ*, кунъ, туляу и баранта — вотъ въ чемъ заключается почти все уголовное уложеніе, все правосудіе степныхъ дикарей. Извѣстно, что судъ и расправа всѣхъ

мусульманскихъ народовъ основывается на законѣ, на коранѣ; а потому и всякій *кади* или *казы*, судія, бываетъ лице духовное; но нигдѣ это не соблюдается менѣе, чѣмъ у кайсаковъ, которые не охотно признаютъ надъ собою власть; а самоуправство предпочитаютъ всякой иной расправѣ. Но кунъ у нихъ священная вещь; киргизъ, нанимающійся въ работники, условливается не рѣдко съ вами, будете ли за него платить *кунъ*, коли онъ умретъ на вашихъ рукахъ? Цѣна куна вообще полагается за мущину 1000, за женщину 500 барановъ. Расплачиваясь другимъ скотомъ, зависѣть будетъ отъ сдѣлки, сколько барановъ полагать на лошадь, корову или верблюда. За убійство султана полагается 1000 верблюдовъ; кунъ огромный, который едва ли когда бывалъ сполна уплачиваемъ, а установленъ, какъ объясняетъ и самъ султанъ Кусябъ, для того только, чтобы никто и никогда не могъ посягнуть на священную жизнь бѣлой кости. Между тѣмъ, и въ прежнее и даже въ новѣйшее время, убійства султановъ изрѣдка

случались. Вотъ вамъ примѣръ киргиской расправы: двое кайсаковъ поссорились, при перекочевкѣ, за луга; отъ ссоры до драки у нихъ не далеко — они подрались, одинъ другаго укусилъ въ палецъ, и бабы насилу розняли дураковъ. У раненаго палецъ разболѣлся; его отдали, какъ водится, на попеченіе и отвѣтственность виновнаго. Былъ ли тотъ плохой лекарь, или ужъ такъ судьба порядила, довольно того, что прикинулся волосъ, а вскорѣ вся рука до плеча распухла, разболѣлась, конецъ концевъ — больной умираетъ. Родные его пріѣзжаютъ въ аулъ лекаря, за тѣломъ покойника, какъ водится у достаточныхъ людей, на бѣломъ верблюдѣ; но, противу обыкновенія, вооруженные, съ крикомъ, съ шумомъ, съ ругательствами, съ угрозами; это было строгою зимой; дѣвчоночка, испугавшись пріѣзжихъ и бушующихъ въ тѣсной кибиткѣ батырей, выскочила изъ-подъ кошмы, въ которую завернули-было ее отъ стужи, выбѣжала изъ кибитки, отшатнулась, и замерзла въ тридцати шагахъ отъ жилья своего. Сдѣлка и

мировая произошла на слѣдующемъ основаніи: ты обязанъ заплатить кунъ, за того, котораго ты укусилъ и залечилъ; а ты долженъ заплатить кунъ за дѣвчонку, которая отъ тебя погибла, a–b=c; слѣдовательно, укусившій товарища смертельно въ палецъ, платитъ, вмѣсто тысячи, только 500 барановъ, ибо за остальные 500 поверстался смертію дѣвчонки.

Я уже выше замѣтилъ, что разбои степные отличаются отъ баранты, вошедшей въ законную силу. Всѣ торгующіе на Линіи купцы наши знаютъ, что на слово киргиза, при мѣновыхъ сдѣлкахъ, почти всегда положиться можно; кайсакъ пригонитъ вамъ, въ назначенный день и мѣсяцъ, въ назначенную точку Линіи, лошадей или барановъ, взявши деньги даже напередъ; но онъ всегда украдетъ ихъ снова, коли дадите ему на это случай, и будетъ этимъ хвалиться; онъ вещи не тронетъ, ибо называетъ это: *урлыкъ*, — воровствомъ; а украсть коня, барана, молодечествомъ, *джигитлыкъ;* это тоже, что у насъ, поймать

чужаго голубя, или сманить собаку. При перекочевкѣ не рѣдко покидаютъ кайсаки цѣлыя груды скарбу своего, прикрытыя кошмами, войлоками; этого никто не тронетъ, между тѣмъ какъ добраго коня нельзя достаточно уберечь и устеречь; его только развѣ не уведутъ — изъ–подъ васъ! За воровство вобще полагается у кайсаковъ *туляу*, пеня, особенно если украденная скотина будетъ уже съѣдена: и расчетъ при этомъ довольно страненъ и сложенъ; за украденную лошадь, платятъ три девята, три *тогуза* скота; первый тогузъ состоитъ: изъ одного верблюда, двухъ тельныхъ, къ будущему году, коровъ, съ нынѣшними телками, бычка и яловой коровки; и того: девять. Второй тогузъ: лошадь вмѣсто верблюда, а прочее все тоже. Третій тогузъ: корова, двѣ овцы съ ягнятами нынѣшняго помету и обѣщающія тоже на будущій годъ, и наконецъ, два козленка. За верблюда полагается такихъ же шесть тогузовъ, ибо верблюдъ идетъ за два коня, а корова въ цѣнности ровна лошади. Начетъ этотъ столь значителенъ, что рѣдкій воръ согласится

добровольно и даже рѣдкій въ состояніи уплатить требуемое; а отказъ, или даже замедленіе въ уплатѣ, не рѣдко влечетъ за собою угоны, грабежи ауловъ и убійства. Начеты эти переходятъ съ дѣда и отца на сыновей и внучатъ, дробятся съ родовъ на поколѣнія, съ поколѣній на частныя лица и семейства.

Собираясь на баранту, на разбой, хищники съѣзжаются иногда десятками, особенно если хотятъ только сдѣлать ночное нападеніе, для отгона табуновъ; иногда же и сотнями и тысячами и тогда уже нападаютъ на аулъ открытыми силами, на расвѣтѣ, или во время полуденнаго жару и всеобщаго отдыха. Идущіе на промыслъ этотъ берутъ лучшихъ коней, ибо всѣ киргизы храбры копытами и ногами скакуновъ своихъ, но берутъ самую плохую сбрую и одежду и обвѣшиваются, полунагіе, одними лохмотьями изношеныхъ и изодраныхъ халатовъ. Вооруженіе ихъ состоитъ тогда почти исключительно изъ легкихъ, длинныхъ копій, или даже однихъ заостреныхъ въ концѣ копеищъ, безъ

желѣзка, да изъ чекановъ. Огнестрѣльнаго оружія не возятъ они съ собою на баранту; частію, — чтобы не обременять себя по пустому, частію же, чтобы не вводить себя въ искушеніе: убить человѣка не долго, какъ они говорятъ, да послѣ кунъ выплачивать накладно. Отрядъ этихъ грабителей наводитъ уныніе, тоску и омерзеніе, особенно, если взвѣсить духъ и храбрость воителей, коихъ десятки тысячъ можно разсѣять и уничтожить сотнею, другою добрыхъ казаковъ; если взглянешь на этихъ выродковъ, неумолимыхъ въ звѣрской жестокости своей, противу слабаго, и трусливыхъ до безконечности, гдѣ дѣло дойдетъ до устойки!

Буйные чиклинцы, въ числѣ 3000 человѣкъ, нагрянули, въ самый знойный полдень, когда все покоилось въ аулахъ, когда, по обыкновенію, всѣ кайсаки, сокрывшись отъ зноя въ кибитки, спали глубокимъ сномъ, нагрянули на танинцевъ. Аулы, на которые сдѣлано было нападеніе и при коихъ находился старшина Исянгильди, состояли изъ 400 кибитокъ,

раскинутыхъ, по пяткамъ и по десяткамъ, черными холмами, по обширному, отлогому скату. Издали глядя, невольно сравниваешь ихъ съ черноземными холмами кротовъ, по зеленому лугу безпорядочно наброшенными. Все покоилось. Не было видно ни души. Разсыпавшіеся стада и табуны занимали по нѣскольку десятковъ верстъ во всѣ стороны; пастухи при нихъ спали, раскинувшись въ травѣ. Чиклинцы ворвались, отдѣльными толпами, въ передовыя стада и табуны, и прискакавшій сломя–голову въ аулы, съ извѣстіемъ о вторженіи непріятеля, привелъ за собою почти на хвосту и самихъ грабителей. Старикъ Исянгильди вскочилъ — всѣ взревѣли въ одинъ голосъ; каждый кидался къ оружію, схватывалъ лучшее платье и добро свое, вскакивалъ на первую попавшуюся ему лошадь — и летѣлъ во весь духъ — на встрѣчу врагамъ, думаете вы? нѣтъ, этого здѣсь не бываетъ; здѣсь нападающій всегда уже побѣдитель: все кидалось и летѣло въ противную сторону, сгоняло и спасало стада и табуны, сколько

можно было еще ихъ занять и удержать. Обширная степь ожила, зашевелилась, пыль поднялась — толпы разсѣянныхъ всадниковъ мелькали и пропадали — кони ржали и оглушали топотомъ своимъ окрестность — хриплые, дикіе крики побѣдителей и побѣжденныхъ раздирали воздухъ. Вмѣстѣ съ мущинами, или еще и напередъ ихъ, кидались на коней молодыя дѣвки и улетали — остались въ аулахъ, при скарбѣ и имуществѣ: хилые, хворые старики, дѣти и бабы. И такъ, дѣло кончено, скажете, и обойдется безъ кровопролитія, и чиклинцы вовсе не встрѣтятъ и не найдутъ своихъ непріятелей? Посмотримъ. Грабители, взбивая тучи пыли, уже налетѣли съ ревомъ на аулъ — уже крикъ, визгъ и проклятія смѣшались съ гуломъ и топотомъ, со ржаніемъ и блеяніемъ, — уже копья, подобно желѣзнымъ щупамъ неумолимыхъ винныхъ досмотрщиковъ, которые не рѣдко, на заставахъ нашихъ, прокалываютъ и платья и посуду и книги у проѣзжающихъ — уже копья погружаются тамъ и сямъ, сквозь

рѣшетчатыя стѣны, въ беззащитныя, одинокія кибитки, и оборванные, полунагіе потомки Батыя и Чингиса, съ неистовствомъ и иступленіемъ, колютъ, бьютъ и рѣжутъ все живое и живущее, до чего дошарились копьями своими подъ тюками и кошмами... но теперь завязывается жестокій и отчаянный бой, упорный, какого вы не видали, коли не видѣли, какъ мать отстаиваетъ дѣтище свое: вотъ зрѣлище, вотъ черта, гдѣ я узнаю природу; киргиска и самка степнаго барса, одинаково дерутся за дѣтенышей своихъ и не уступаютъ ихъ, доколѣ сами еще живы! Оставьте блѣдныхъ и хилыхъ горожанокъ, нѣжныхъ красавицъ нашихъ, запасающихся мамками и кормилицами и отдающихъ новорожденное изъ лона своего прямо къ чуждой и купленой груди — идите сюда и посмотрите, какъ таже слабая женщина отстаиваетъ своихъ малютокъ! Бабы вооружаются *багганами*; каждая схватываетъ длинную, крѣпкую дубину, которою обыкновенно подпирается средина кибитки и которою кайсачка мастерски

владѣетъ, привыкнувъ управляться этимъ орудіемъ, не только каждый разъ, когда ставитъ переносное жилье свое, но и вообще всегда, когда только случается поправлять *турлыкъ, узукъ* или *туундукъ*, кошемныя полсти и лоскуты на бокахъ и на кровлѣ кибитки, ловить и принимать вилообразною оконечностію баггана *арканы*, шерстяныя веревки и тесьмы, перекинутыя черезъ верхъ подвижнаго жилья ихъ — и такъ, этимъ багганомъ вооружаются бабы, и отстаиваютъ, каждая свою кибитку. Угрозъ грабителя она не слышитъ, копья его и чекана не страшится; и если онъ не поразитъ ее смертельно, при первомъ ударѣ, то мѣткій взмахъ баггана раздробляетъ голову разбойника, или коня его — и это все равно; свалившійся съ коня всадникъ убивается нещадно до смерти тѣмъ же оружіемъ, страшнымъ въ сильныхъ рукахъ свирѣпой дикарки! Жена султана Медетъ–Галія, убитаго джагалбайлинцами въ 1831 году близъ Орска, отстаивала такимъ образомъ семью свою; она уложила передъ жильемъ своимъ двухъ вершниковъ

на вѣчный покой, и не прежде, какъ когда ужи сама испустила духъ, двѣ дочери ея были схвачены и увлечены разбойниками на поруганіе.

Грабители не сочли нужнымъ мѣряться и тягаться съ амазонками, свирѣпыми, безстрашными, отчаянными; а потому, угнавъ скотъ, приколовъ нѣсколькихъ дѣтей и стариковъ, на коихъ наткнулись въ расплохъ и невзначай, захвативъ съ десятокъ бабъ и дѣвокъ, не успѣвшихъ добѣжать до аула, или не имѣвшихъ силъ или причинъ обороняться до послѣдняго издыханія, отправились во своясы. Мущинъ, одновѣрцевъ, кайсаки въ плѣнъ не берутъ; но дѣвки и бабы считаются товаромъ; ихъ сажаютъ на добытыхъ коней, связываютъ ноги подъ брюхомъ лошади и гонятъ по пути домой. Коранъ позволяетъ мусульманамъ имѣть до четырехъ только женъ вдругъ; но иные владѣльцы и вельможи, по примѣру пророка или переводя точнѣе и вѣрнѣе, посла Аллаха, берутъ до девяти; сожительницъ, мусульманокъ, кромѣ этого, держать не

дозволено вовсе; но услужливые толковники объясняютъ: купленая или взятая въ полонъ красавица — собственность каждаго, товаръ; съ нею дѣлаю что хочу; и на этомъ–то основаніи, запрещеніе распространяется только на единовѣрокъ, мусульманокъ. Пригожія дѣвки, на барантѣ захваченныя, достаются обыкновенно на долю батырей, и участь ихъ не рѣдко бываетъ почти таже, какъ если бы онѣ вышли замужъ въ отдаленные аулы; иногда полусупругъ даже, полюбивъ плѣнницу свою, посылаетъ родителямъ ея подарки, калымъ, и вражда забыта. Вотъ вамъ романическое похищеніе красавицы въ киргиской степи! Но молодыя матери, коихъ брали въ неволю, разлучая съ дѣтьми, не рѣдко посягали на жизнь свою, если имъ не было средствъ и надежды къ побѣгу. Были примѣры на оренбургской Линіи, что мать киргиска, коей дитя продано было отцемъ въ ужасной крайности, за нѣсколько пудовъ хлѣба, убѣгала изъ степи, являлась на Линію, крестилась и оставалась при дитяти своемъ.

Барантующіе удалились; табуны, послушные голосу новаго вожака, заскакавшаго впередъ и летящаго на борзомъ конѣ во весь духъ во своясы, исчезли; все стихло; только пыль стлалась издалека и амазонки наши бродили по аулу и собирали, во ожиданіи мужей и дѣтей, раскиданную утварь. Медленно и въ величайшемъ безпорядкѣ, по парно, по три, по десятку, тащились, мчались и плелись побѣдители; кто на легкѣ, кто съ баранами, кто съ вьючными верблюдами, лошадьми, коровами и быками; трехтысячная толпа растянулась на нѣсколько десятковъ верстъ — каждый думалъ только о себѣ и о заграбленномъ имуществѣ, болѣе ни о чемъ.

Бикей, ѣздившій въ гости ли куда–то, или за дѣломъ, возвращался медленно въ свои аулы, когда, поднявшись на пригорокъ, остановился и вперилъ всепроницающія очи свои въ мерцающую обманчивой водою даль — явленіе, о которомъ я уже гдѣ–то говорилъ; оно въ знойные дни обольщаетъ и обманываетъ

нетерпѣливаго, истомленнаго, степнаго путника, и на піитическомъ языкѣ древняго Тибета, столь выразительно называется: *жаждою сайги*, у арабовъ *серабъ*, у кайсаковъ *мунаръ*, у французовъ и у русскихъ *миражъ*, а у — извините — у нашего простолюдина: *марево*. Только необыкновенная привычка, смѣтливость и зоркость можетъ отличить что–либо въ этомъ пламенѣющемъ, воздушномъ морѣ. Надобно видѣть степнаго дикаря, на родинѣ его, на опасномъ перепутьи, какъ теперь нашъ Бикей: онъ слѣдуетъ по сухому океану своему — какъ китайцы, руководимые счастливою и слѣпою догадкой, называютъ степь эту — проходитъ огромныя пространства, гдѣ не проложено слѣда человѣческаго, и выведетъ васъ наконецъ, въ струнку, на желаемое урочище. И я не шутя скажу, что кайсакъ дѣлаетъ это по какому–то непонятному, темному чувству, въ коемъ самъ себѣ не можетъ дать отчета, и которое только сравнить можно со способностію перелетныхъ птицъ.... отвезите вы кайсака

на край свѣта, въ страны, о коихъ у него нѣтъ ни малѣйшаго понятія, и пустите его тамъ — онъ оборотится, какъ магнитная стрѣлка, которую ничѣмъ нельзя сбить съ толку, и пустится прямо на родину свою. Не только изъ западной и восточной Сибири уходятъ кайсаки не рѣдко домой, но есть нѣсколько примѣровъ, что, сосланные за преступленія въ Архангельскъ, пролагали они себѣ новый путь, отъ береговъ Ледовитаго моря, чрезъ безлюдныя тундры, пустынныя, мертвыя степи, за родной Яикъ; они достигали благополучно, и почти не касаясь путемъ жилья людскаго, до кровныхъ степей своихъ, и доселѣ снова проживаютъ между своими, похваляясь дивными и едва вѣроятными похожденіями своими. Надобно посмотрѣть на кайсака, когда онъ на пути завидитъ нѣчто живое въ знойномъ, волнистомъ морѣ, искажающемъ для насъ всѣ предметы самымъ чудовищнымъ образомъ: вы едва только отличаете что–то и нѣчто, а онъ, приподнявшись на стременахъ и прикрывъ брови рукою,

читаетъ какъ по книгѣ: столько–то всадниковъ на легкѣ, вооруженныхъ — они ѣдутъ на измореныхъ коняхъ — насъ увидали — это не наши; это чиклинцы, дюртъ–каринцы, джегалбайлинцы — …Бикей, проговоривъ все это про себя, поворотилъ въ туже минуту отъ нихъ вправо, помчался, и черезъ часъ настигъ танинцевъ своихъ, которые стерегли спасенный ими скотъ и ожидали извѣстій изъ аула. Стоитъ только тронуть, задѣть и расшевелить кайсака, и онъ вспыхаетъ яркимъ пламенемъ: Бикей былъ окруженъ въ минуту сотнею молодцевъ, которые, будучи еще изъ числа самыхъ бойкихъ и смѣлыхъ, вооружились и приготовились, въ случаѣ крайности, защищать и отстаивать стада и табуны свои. Бикей, не спрашивая ни о чемъ, не слушая никого, ругнулъ перваго встрѣчнаго, который сунулся было къ нему съ вопросомъ: *ни хабаръ?* что новаго? что дѣлается въ аулѣ? ругнулъ и прочихъ молодцевъ, вправо и влѣво, распушилъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ и вызывалъ охотниковъ за собою. Взявъ не

болѣе сотни человѣкъ на легкѣ, исправно вооруженныхъ и снабженныхъ запасною, заводною и уже осѣдланою лошадью, пустился онъ въ погоню за непріятелемъ. Пересаживаясь до трехъ разъ съ коня на коня, открыла наконецъ дружина наша, съ вечернею зарею, слѣды грабителей, и до разсвѣту еще, слѣдуя по свѣже измятой, росистой травѣ, и по тому именно направленію, куда трава ложилась, настигла безпорядочныя, беззаботныя толпы чиклинцевъ, которые безпечно тянулись, почти гуськомъ, разсѣянными и раздробленными толпами. Конецъ концевъ — легко предвидѣть; сотня танинцевъ съ Бикеемъ, нанесли мнимымъ побѣдителямъ своимъ гораздо большее пораженіе, чѣмъ на канунѣ еще претерпѣли отъ нихъ сами. Все летѣло безъ толку, безъ ладу, безъ цѣли, стремглавъ; все спасалось бѣгствомъ, покидая добычу; не было ни сопротивленія, ни устою; бикейцы едва успѣвали спехивать настигаемыхъ ими чиклинцевъ копьями съ коней. Если и невозможно было отбить всѣхъ табуновъ,

коихъ часть угнана была уже при самомъ началѣ вчерашняго нападенія, то по крайней мѣрѣ новый батырь, съ молодцами своими, пригналъ въ аулы свои значительную часть отбитыхъ имъ стадъ, табуновъ, и почти всѣхъ навьюченыхъ верблюдовъ, и покрылся, въ лицѣ народа, неувядаемою славою. Какъ мало нужно иногда для этого, и какъ мало такихъ, которыхъ и на это малое достаетъ! Но, въ тоже время, Бикей озлобилъ старшихъ братьевъ своихъ, коихъ врожденное чувство самохраненія удержало отъ всякихъ заносчивыхъ, воинскихъ покушеній, и коихъ предпріимчивый духъ удовольствовался наиноспѣшнѣйшимъ бѣгствомъ. Теперь танинцы стали указывать на нихъ перстами, и вслухъ и въ очи пеняли за трусость ихъ и за бездѣйствіе; безъ головы, говорили они, и руки и ноги не служатъ; а вамъ, предводителямъ и старшинамъ нашимъ и наслѣдникамъ престарѣлаго старшины, предстояла славная обязанность, быть главою тысячи вамъ покорныхъ рукъ и ногъ и наказать

чиклинцевъ за дерзостное ихъ покушеніе! И это все опять въ порядкѣ вещей: трусъ бѣжитъ рядомъ съ трусомъ, или еще впереди его; но опасность миновалась — и онъ же его презираетъ.

При этомъ же самомъ набѣгѣ, передовая оборванная, голодная, звѣрская толпа чиклинцевъ наткнулась на аулы сосѣдственныхъ и союзныхъ съ танинцами баюлинцевъ, на отдѣленіе Маскаръ, на кочевую родину Мауляны. Конецъ одинъ; отвратительная картина одинакова; не стану говорить пространно и подробно, какъ и здѣсь опять алчная толпа грабителей подстерегла мирные аулы и свирѣпость людская не знала ни мѣры, ни предѣловъ — не буду говорить, какъ и кто бѣжалъ, кто и куда схоронился — скажу только, что торжествующіе грабители вели осьмнадцатилѣтнюю Мауляну въ числѣ одиннадцати молодыхъ плѣнницъ. Ей дали малорослаго, кривоногаго конька, взятаго въ ея же аулѣ; не связывали, изъ особеннаго къ ней уваженія и милости, ногъ, а одинъ изъ двухъ услужливыхъ

парней, которые ѣхали съ боковъ милой плѣнницы нашей и взапуски забрасывали ее шутками и прибаутками, вѣроятно не совсѣмъ тонкими и скромными — одинъ держалъ въ рукѣ поводъ коня ея, а другой, по другую сторону, чембургъ. Дѣвка сидѣла плотно, отшучивалась и отбранивалась, не оставаясь въ долгу, мазала иногда, ластившихся около нея стражей своихъ, медомъ по губамъ — а сама держала ухо на чекѣ: она была коротко знакома съ уродливою клячей, на которую ее посадили, и которая, не смотря на уродливость эту и на распоротыя вилообразно ослиныя уши, была по надежнѣе инаго пяти–вершковаго слона Орденскаго кирасирскаго полка; Мауляна, смѣтивъ и улучивъ пригодный мигъ, наклонилась впередъ, какъ будто хотѣла поправить холку или уши лошаденки, но въ тотъ же мигъ скинула съ нее, черезъ голову, гладкую, плетеную изъ конскихъ, черныхъ волосъ уздечку, гикнула, круто повернула конька своего ногами въ сторону, прямо на одного изъ конвойныхъ своихъ,

ринулась въ него во всю силу распростертыми руками, сшибла его съ лошади и ускакала; ускакала, въ виду сотни или болѣе хищниковъ, кои большею частію на измученыхъ, въ продолженіи набѣга клячахъ, тщетно носились за нею, разсѣявшись и разметавшись по обширной степи. Мауляна благополучно прискакала на встрѣчу Бикею, который мчался еще по пятамъ грабителей, настигая и сбивая бѣгущихъ, отбивая скотъ и имущество земляковъ своихъ, единогласно признавшихъ Бикея первымъ батыремъ на цѣломъ пространствѣ между Яикомъ, Тоболомъ и Сыръ–Дарьею, а можетъ быть и цѣлаго свѣта.

Бикей и Мауляна возвратилися со славою, при громогласныхъ кликахъ народа: его величали джигитомъ, батыремъ, султаномъ, наконецъ ханомъ; качали на рукахъ при громогласныхъ восклицаніяхъ, не обращая никакого вниманія на отца, который, къ стыду своему, могъ завидовать кровному сыну; ниже на злобныхъ братьевъ, которые въ это время поклялись,

каждый порознь, клятву мести — а турокъ и монголъ, которыхъ божба не стоитъ гроша, сами вы знаете, въ мести даромъ не клянутся!

=

ГЛАВА 5.

НОВАЯ ЧЕТА.

—

Колебаніе души и нерѣшимость, обыкновенно приписываютъ нравственно слабому человѣку; прибавлю еще, что свойства эти сверхъ этого составляютъ принадлежность нрава, утонченнаго образованіемъ нашего вѣка. Только это разсудительное, тонкошкурое твореніе, образованный человѣкъ, можетъ думать, мѣрять и взвѣшивать тамъ, гдѣ сама природа порывается дѣйствовать; у дикаря, гдѣ умственныя способности болѣе или менѣе по отстали, первое сильное впечатлѣніе беретъ верхъ — и тогда, прощай благоразуміе и разсудительность, прощай и размышленіе и нерѣшимость! вліяніямъ

второстепеннымъ, постороннимъ уже нѣтъ мѣста; онъ дѣйствуетъ скоропостижно, вслѣдъ за сильнѣйшимъ толчкомъ, ударомъ, впечатлѣніемъ, и всегда болѣе зависитъ отъ вліяній и двигателей внѣшнихъ, чѣмъ отъ самого себя.

Бикей, который невольно, и самъ того не зная, подтверждалъ на дѣлѣ истину нашихъ умозрительныхъ положеній, и тѣмъ еще болѣе, что былъ природою надѣленъ бойкостію и быстротою духа — Бикей, спознавшись и слюбившись съ Мауляною, не думалъ, не гадалъ, не хилѣлъ и не болѣлъ цѣлые мѣсяцы по пустому; не томилъ самъ себя бездѣйствіемъ и нерѣшимостію; а побывавъ однажды у баюлинцевъ, завернулъ въ аулы Маскаръ, толкнулся тамъ, черезъ добрыхъ людей, которыхъ, на это дѣло, всюду много, къ старику Сатлы, отцу Мауляны прекрасной — и воротившись оттолѣ, пришелъ къ отцу своему объявить, что Бойбактынецъ Тохтамышъ ему, Бикею, не тесть, а отцу его не зять; что пава многоцѣнная, достойная украшать райскіе

сады пророка, нынѣ прогуливается по ауламъ маскарцевъ — и просилъ отца послать переговорить со старикомъ Сатлы и готовить калымъ ему, а не Тохтамышу.

Исянгильди также мало призадумался надъ отвѣтомъ, какъ сынъ его, Бикей, надъ запросомъ своимъ: калымъ былъ отчасти уже выплаченъ Тохтамышу; «невѣста твоя,» сказалъ старикъ, «*тангри біурса,* — коли Богу угодно, дочь его, Дамиля; на первый случай будетъ съ тебя и одной; а со временемъ, — *иншъ Аллахъ,* съ помощію Божіею, — возьмешь и другую.»

— Не хочу я другой, не хочу иной, хочу Мауляну, — говорилъ Бикей; но отецъ едва удостоилъ его, въ отвѣтъ на это, назвать взбалмошнымъ, сумазброднымъ, и болѣе ни въ какія разсужденія не пускался. Въ глазахъ его, дѣло было кончено и не стоило болѣе о пустякахъ этихъ толковать. Не такъ думалъ Бикей; онъ зналъ отца, зналъ обычаи народа своего и потому, хотя также не тратилъ по напрасну словъ, но ухватился прямо и просто за дѣло. Такъ, братцы и сестрицы, Бикей нашъ распростился съ

суженою своею, которая числилась, по выбору родителей, въ невѣстахъ его уже годика три; кинулъ ее и выданный ей уже почти до половины калымъ, отыскалъ себѣ въ другомъ аулѣ, въ другомъ родѣ и племени невѣсту по душѣ и тестя по нраву. Кто зналъ Бикея искони, не узналъ его теперь: Бикей сталъ новымъ и инымъ человѣкомъ; такъ полюбилъ онъ Мауляну, и такъ былъ любимъ ею. Это не сказка, а быль. Изъ этого видите вы, что и тамъ, за Яикомъ, между созданіями, коихъ, во многихъ отношеніяхъ, не рѣшаемся мы почтить названіемъ людей, себѣ подобныхъ тварей, что и тамъ прорывается иногда это влеченіе, это чувство, которое уноситъ человѣка далеко, далеко выше всѣхъ извѣстныхъ намъ созданій. Иногда, сказалъ я; и именно не болѣе, какъ иногда, въ кои вѣки разъ; также точно какъ и у насъ; вѣдь и у насъ также сотни людей, въ образѣ человѣка, родятся, живутъ и женятся и умираютъ, и — только. Не такъ ли? —

Бикей женихъ; Бикей, вопреки волѣ родительской, покинулъ говорю первую

невѣсту и калымъ, и выплатилъ самъ за себя 60 барановъ, 10 лошадей и трехъ верблюдовъ за Мауляну, задолжавшись калымомъ этимъ Уральскимъ казакамъ. И вотъ еще новая причина ко враждѣ и семейнымъ ссорамъ, новая здѣсь, въ расказѣ моемъ; а въ свѣтѣ, да и въ другихъ расказахъ, романахъ и повѣстяхъ, все это не новое: дѣти любятся, а старики не выдаютъ ихъ, ртачатся, привередничаютъ — это всегдашняя завязка!

Годъ прошелъ скоро: и Бикей женился. Принявъ молитву отъ полуграмотнаго бѣглаго казанскаго татарина, ушедшаго отъ рекрутской очереди въ степь, и назвавшагося тамъ муллою, Бикей увезъ уже Мауляну въ аулъ свой и уже поставилъ, на привольномъ скатѣ, на отборномъ мѣстѣ, новую кибитку изъ бѣлыхъ кошмъ, на красныхъ *киряга* — рѣшеткахъ, о ста–двадцати стрѣлахъ или стропилахъ, и зажилъ съ молодою. Вы видите, что нашъ Бикей не измѣняетъ себѣ никогда и нигдѣ: онъ и здѣсь опять прихотничаетъ, щеголяетъ и мотаетъ, какъ

на все и всюду. «Я помню,» говорилъ мнѣ старожилъ оренбургскій, «когда Бикей, вскорѣ послѣ сватьбы своей, пріѣхалъ въ Оренбургъ: на немъ были, между прочимъ, шитые золотомъ малиноваго бархата шаровары; помню также, когда онъ пожаловалъ, мѣсяца два спустя, въ алыхъ суконныхъ; и на вопросъ любопытныхъ, куда дѣвались бархатные, золотошвейные? отвѣчалъ, махнувъ рукой: «проспалъ; дѣвки украли, да *тюбетеи* пошили; пусть щеголяютъ, на здоровье!»

Мауляна была рождена для Бикея; ей все нравилось въ мужѣ, котораго, ни въ какомъ отношеніи, нельзя было ставить въ одну шеренгу съ прочими земляками его: онъ былъ не рядовой. Всѣ прихоти и причуды его, не исключая даже и бархатныхъ шароваръ, радовали и утѣшали ее, были ей по вкусу; она умѣла цѣнить Бикея, истинно гордилась мужемъ необыкновеннымъ. Не хочу докучать читателямъ расказами о подробностяхъ жизни жениха Бикея, жениха счастливаго; не хочу расказывать, какъ онъ, навѣщая

невѣсту свою, каждый разъ снова пробирался между страхомъ и надеждой, по опасному, долгому, одинокому пути; каждый разъ снова выкупалъ невѣсту у старухъ, родственницъ ея, подарками: вымѣненными у казаковъ платками, подвѣсками, лентами, стеклярусомъ, бусами — не стану пересказывать всего этого; довольно того, что онъ уже мужемъ, привезъ, говорю, Мауляну свою въ длинномъ, щегольскомъ поѣздѣ, подъ прикрытіемъ всѣхъ друзей и сотоварищей своихъ, богатырей и *джигитовъ* заяицкихъ, привезъ въ танинскіе аулы, и началъ жить да поживать. Съ первымъ нарѣченнымъ тестемъ, ссоры у нихъ не было никакой; женихъ отсталъ, калымъ пропалъ и старикъ сказалъ еще спасибо за подарокъ. Но со своими, Бикей не ладилъ; вражда усилилась и ожесточилась: Бикей не переставалъ требовать калыма за сестру свою, отданную постыднымъ образомъ, какъ *кулъ* или *кенизакъ*, какъ рабыня, между тѣмъ какъ значительный калымъ, за нее слѣдовавшій, остался у старшихъ братьевъ, сыновей

первой жены; старикъ и братья спорили, воставали на Бикея дружнымъ оплотомъ и взаимная ненависть кипѣла, росла и укоренялась. Но вы захотите, быть можетъ, коли Мауляна полюбилась вамъ хотя въ десятую долю моего, захотите узнать кой что объ ней, о жизни ея и молодости? Что же я вамъ скажу, кромѣ того, что она была дочь зажиточнаго киргиза Сатлы, роду Баюлы, отдѣленія или поколѣнія Маскаръ, что была рослая и статная молодица, красавица и умница на всѣ аулы; лицемъ привѣтливѣе, а умомъ смышленѣе, душой милѣе всѣхъ подругъ своихъ; что сказать вамъ болѣе? И она, какъ всѣ землячки ея, бѣгала до семи лѣтъ нагишомъ, на жару и на стужѣ, въ ведро и въ ненастье; хоронилась, при 30 слишкомъ градусахъ степнаго мороза, съ сѣвернымъ бураномъ, отъ котораго вся кибитка осиновымъ листомъ дрожала и которымъ не рѣдко цѣлыя кошмы и полсти срывало и уносило, заметало цѣлые аулы снѣгомъ — и она говорю, хоронилась подъ лохмотья, подъ груду шерсти, въ войлоки и кошмы,

зарывалась въ горячую золу, когда огонекъ среди кибитки потухалъ; и она, дочь зажиточнаго киргиза, плела, шила, скребла, вязала уздечки, ткала армячину, чинила платье и сбрую отца и братьевъ, выдѣлывала жеребячьи шкуры на *яргаки* и *дахи* — вымачивала ихъ въ квашеномъ молокѣ, провѣшивала, смазывала бараньимъ саломъ, коптила и выминала ихъ руками — и дождь не промокалъ яргакъ ея работы; и она копала и собирала марену и красила козловую замшу и овечьи шкуры, и хохотала и забавлялась отъ души, глядя, какъ собранные для этого на *помочь* гости и гостьи жуютъ мареновый корень во всѣ скулы — а кайсаки положительно утверждаютъ, что толченый или крошеный, не даетъ такой доброй краски какъ жеваный; и она также вьючила верблюдовъ, ставила и сымала кибитку, сѣдлала и подводила отцу и братьямъ коней — все это было и есть обязанность и дѣло бабъ и дѣвокъ; мущины холятся, валяются на кошмахъ и коврахъ, пьютъ кумызъ и спятъ. И она рядилась, какъ это водится, при

перекочевкѣ, въ лучшее платье свое, убиралась ожерельями и запястьями, выпрашивала у отца, у братьевъ, бойкаго скакуна, на коемъ заганивала *кулановъ*, и мчалась вдоль и поперегъ шумнаго, многоголоснаго, обширнаго скопища, гдѣ цѣлое огромное селеніе, цѣлый городъ, со всѣмъ имуществомъ и скарбомъ своимъ, съ хижинами и съ жителями, былъ на ходу — гдѣ стада и табуны, измореные за зиму *тебеневкой*, подножнымъ кормомъ, до костей въ переплетѣ, стали входить уже въ сокъ и силу, роскошно топтали мягкую, зеленую траву, и послушно слѣдуя голосу вожака и табунщика, опереживали огромные караваны вьючныхъ верблюдовъ, коровъ и лошадей, которые медленно и задумчиво ставили копыта свои въ ступни другъ друга — все это шло своимъ чередомъ, и Мауляна выросла статна и пригожа какъ видѣли сами. Но, скажете вы можетъ быть, придерживаясь любомудрія, этой такъ называемой потребности нашего вѣка — но это все внѣшняя жизнь ея, тѣлесная — а духовная жизнь Мауляны?

Объ ней ни слова? Почти такъ, господа, потому, что это и для меня самого такая же загадка; что, спрашиваю, можно вывѣдать объ этомъ дѣлѣ на словахъ, отъ степной дикарки? Какой она, или близкіе къ ней, дадутъ вамъ въ этомъ отчетъ? Да полно поймутъ ли о чемъ вы толкуете, чего хотите? — Что въ ней была душа, въ Маулянѣ нашей, и душа страстная, пылкая, необузданная, неразгаданная, а все таки душа! что она мыслила, чувствовала, тѣшилась и страдала, — противоборствовала и отдавалась, въ этомъ, я по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь. И вотъ вамъ, для доказательства сказаннаго, между прочимъ, *улянъ* или *перепъвъ* Мауляны и подругъ ея, на одномъ изъ праздниковъ, съ молодыми ребятами. Дѣвки и парни садятся особыми кружками, однѣ поодаль отъ другихъ, а нерѣдко дѣвки и внутри кибитки, а женихи снаружи, за рѣшеткой, между тѣмъ какъ кошемная полсть подымается и обѣ стороны перепѣваются взапуски, отвѣчая другъ другу въ очередную четырехстишіями. Импровизаторы,

запѣвало и запѣвалка, выказываютъ при этомъ всю остроту и витійство свое, и толпа тѣшится, слушаетъ, хохочетъ, и повторяетъ тѣ изъ стиховъ, которые ей болѣе понравились.

Народная пѣсня турецкихъ и татарскихъ племенъ, это риѳмованное четырестишіе — не скажу какого именно размѣра, ибо народные барды довольствуются уже тѣмъ, коли пѣсню ихъ можно пѣть, растягивая и скрадывая слоги, гдѣ нужно, на извѣстный напѣвъ или голосъ. Образецъ всѣхъ Восточныхъ размѣровъ, это арабская поэма *Мохаммедья*, переложенная искусно на турецкій языкъ. Сочинитель ея, сказываютъ, носился съ нею, какъ курица съ яичкомъ, и не зналъ куда ее дѣвать, никто ее не принималъ, не понималъ и сочинителю ни въ чемъ не было удачи. Оказалось въ послѣдствіи, что Аллахъ не давалъ ему талану, за одно какое–то богохульное слово, не осторожно и не кстати въ поэмѣ употребленное; когда же слово это, на закинутомъ несчастнымъ сочинителемъ спискѣ, случайно стерлось и

исчезло, тогда твореніе было оцѣнено по достоинству, пошло въ ходъ и слыветъ доселѣ образцовымъ. Ему подражаютъ, въ размѣрахъ, турки и татары; распѣвая Мохаммедью, они приноравливаютъ къ размѣру ея и свои пѣсни, хотя и не всегда равно удачно. Въ пѣсняхъ этихъ смыслъ всегда оканчивается четвертымъ стихомъ, каждое четырестишіе составляетъ, такъ сказать, отдѣльную пѣсенку и настоящія, народныя киргискія, башкирскія и татарскія пѣсни, не бываютъ длиннѣе четырехъ стиховъ. Не большое число старинныхъ, богатырскихъ пѣсень, или поэмъ, составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила. У киргизовъ очень мало обще–принятыхъ или постоянныхъ пѣсень: они поютъ обыкновенно на обумъ, о томъ, что у нихъ въ глазахъ: постегивая нагайкой по тебенькамъ сѣдла своего, покачиваясь взадъ и впередъ, тянетъ кайсакъ полчаса сряду, плачевнымъ напѣвомъ: тау, агачъ, ссу, урманъ, тюэ — то есть: гора, дерево, вода, лѣсъ, верблюдъ, доколѣ ему не взбредетъ на умъ иной предметъ или слово.

Но есть пѣвцы записные, пѣвцы *на обумъ*, безъ которыхъ и пиръ не живетъ; они являются всюду, гдѣ только рѣжутъ барановъ, гдѣ только сходятся въ кучу и пьютъ кумызъ; они же играютъ и на *кобызѣ*, на гудкѣ плотницкой отдѣлки, состоящемъ изъ корытца или долбушки, снабженной двумя, тремя, изъ конскаго волоса свитыми струнами; играютъ и на *домброѣ*, не большой, длинношеей балалайкѣ; а тѣ, которые понаострились на Линіи, у башкировъ, играютъ и на *чибызгѣ*, на дудкѣ, сопѣлкѣ, запасаясь каждый разъ, при каждомъ напѣвѣ, духомъ, на цѣлую пѣсню, за отрывистымъ концемъ которой снова переводятъ дыханье. Они воспѣваютъ на пирахъ того, кто ихъ кормитъ, поитъ и даритъ. Есть, какъ я упомянулъ, кромѣ этого, обычай, по которому на пирахъ и особенно на сватьбахъ и поминкахъ, молодцы и молодицы состязаются поочередно и нападаютъ другъ на друга, какъ у насъ подъ часъ, въ словесныхъ сшибкахъ, въ гостиныхъ: это бываетъ иногда довольно потѣшно и забавно, хотя и

длится долгонько: всю ночь на пролетъ, до бѣлаго утра. Вотъ пѣсенка Мауляны съ подружками и отвѣты противниковъ ея, пѣсенка, записанная татариномъ скорописчикомъ; напѣвъ такъ тихъ и медлителенъ, что вовсе не трудно слѣдовать за пѣвцами и пѣвицами. Языкъ татарскій такъ сжатъ, да и самыя слова такъ коротки и малосложны, что рѣшительно нѣтъ возможности переводить пѣсни ихъ въ мѣру, ограничиваясь тѣми же четырмя стопами.

Онъ.

Кто праздничный пиръ встрѣчая, алымъ сукномъ не облекается?
Чье сердце, дѣвку завидѣвъ, алою кровью не загорается?
Не гляди на меня такъ: не то, увяжусь за тобою:
Въ тебѣ искать буду волю сгубленную, волю молодецкую!

Она.

И на проводы слезные, видала я, красно убираются;

Алому цвѣту не вѣрь: цвѣтъ, самъ знаешь, дѣло обманчивое.
А какую ты вещь сгубилъ — волю молодецкую — я не вѣдаю;
Назови примѣты ея; да за чѣмъ зайдетъ она къ дѣвицамъ?

Онъ.

На Яикѣ–рѣкѣ, на тихой водѣ, есть ятовья, омуты глубокіе;
А зыбкая струйка его скорѣй алаго цвѣта обманетъ!
И въ очахъ твоихъ тоже: очи омуты глубокіе;
Не заглядывать было, не топить въ нихъ воли молодецкія!

Она.

Не разгадать намъ, дѣвкамъ Заяицкимъ, загадокъ твоихъ:
Назови ты вещь, коли потерялъ, назови примѣты ея;
Утопилъ, говоришь теперь, а сказывалъ давича: потерялъ;
О, лукавы рѣчи твои! И нашелъ же гдѣ, у дѣвокъ, искать утопленіковъ.

Онъ.

Караганка–лиса и передъ волкомъ права живетъ;
Проведетъ кругомъ тебя, да грѣхъ на тебя же и свалитъ!
Такъ и вы, красныя, вы изворотливѣй караганки–лисы;
Сами вы — алый цвѣтъ, а наши, вишь, рѣчи лукавы!

Бикей и Мауляна проживали вмѣстѣ почти два года, не нуждаясь въ дружбѣ родичей своихъ и не слишкомъ замѣчая ихъ непріязнь и злобу. Бикей, не заботясь ни о чемъ, добылъ уже вѣсъ и значеніе, не только въ аулѣ своемъ, но и во всемъ танинскомъ родѣ; но, повторяю, никогда онъ не искалъ этого, а и того менѣе посягалъ на отцевское званіе и достоинство, въ чемъ братья старались всегда оклеветать и обвинить его передъ отцемъ, обрадовавшись тому, что нашли слабую струну въ старикѣ, нашли обвиненіе, самая сбыточность котораго была уже достаточна, чтобы востановить отца противъ сына. Свобода собственная и разгульная,

молодецкая жизнь, была единственною потребностію Бикея; но оскорбленное съ издѣтства чувство, не переставало изливаться желчью на притѣснителей своихъ; а постоянная дружба съ полинѣйными Уральцами и частыя его съ ними сношенія, подавали всѣ средства врагамъ его, сводным братьямъ, поддерживать и подстрекать гнѣвъ и недовѣрчивость отца и старшины, Исянгильдія, котораго легко было увѣрить, что Бикей *урусъ*, русской, и добивается на Линіи почестей и могущества.

Мауляна была единственною его женою и единственною радостію и утѣшеніемъ. Въ этой четѣ столкнулись два человѣка, въ своемъ родѣ необыкновенныхъ; упрямая судьба одарила дикарей этихъ мозгомъ и сердцемъ, которые, при надлежащемъ развитіи понятій и способностей, можетъ быть украсили бы чело и грудь царственной четы; можетъ быть, другой Суворовъ — Киръ — Кантъ — Гумбольдтъ — сгинули и пропали здѣсь, сколько окованный духъ ни порывался на просторъ! Я знаю, покрайней

мѣрѣ, что *кушъ–юлы*, птичій путь, то есть млечный, и *темиръ–казыкъ*, желѣзный колъ, то есть полярная звѣзда, вкругъ которой, по мнѣнію кайсаковъ, лошадь — медвѣдица — ходитъ на приколѣ — не разъ заставляли призадумываться нашего Бикея такою думою, которая едва ли когда освятила помышленія прочихъ его земляковъ.

Чета эта понимала другъ друга: *онъ* гордился *ею*, охотно хвастался, похвалялся и показывалъ ее линѣйнымъ кунакамъ своимъ, какъ вещь рѣдкую, диковинную и дорогую; она была не только гораздо пригожѣе всѣхъ молодицъ своего аула, но и бойчѣе, осанистѣе, проворнѣе и гораздо умнѣе ихъ. Есть доселѣ много людей на Линіи и въ Оренбургѣ, которые видѣли и знали ее: вы услышите одно, и разноголосицы на счетъ Мауляны нѣтъ, словно всѣ условились и сговорились. Еще недавно смѣялся я внутренно, сидя вечеркомъ въ дружеской бесѣдѣ, гдѣ зашла рѣчь о Маулянѣ прекрасной: одинъ изъ самыхъ сухихъ и закоснѣлыхъ, угрюмыхъ

брюзгачей нашихъ улыбнулся, осклабилъ уста свои и не могъ скрыть пробудившихся въ немъ пріятныхъ воспоминаній; она поражала и озадачивала собою каждаго, съ кѣмъ бы ни сходилась, ни встрѣчалась: думаешь видѣть передъ собою милую окрутницу, которая ловко, удачно и искусно поддѣлалась подъ стать и ладъ дикарки, не покидая благородной, образованной осанки нашихъ барынь и дѣвицъ лучшаго круга.

Но Бикей — былъ вѣчно тотъ же; онъ не умѣлъ по нашему, въ тиши, вдали отъ суетъ и притязаній, лелѣять блаженство свое и вкушать его каплю по каплѣ; не умѣлъ подладить подъ нравъ упрямаго, угрюмаго старика; — Бикей и теперь все еще леталъ, какъ и прежде, по скачкамъ, по ристалищамъ, по опаснымъ приключеніямъ, знался и водился съ казаками и требовалъ, по старой привычкѣ, наступя на горло, тамъ, гдѣ можно, гдѣ должно было или просить — или молчать.

«Выдѣли меня!» сказалъ онъ однажды отцу своему, будучи у него въ гостяхъ,

«выдѣли меня, батюшка; я уже не ребенокъ; хочу жить самъ по себѣ, своимъ умомъ, своимъ добромъ; коли ты умрешь, такъ братья меня разобидятъ въ пухъ; я же имъ не захочу спустить, не подарю ничего — и, быть бѣдѣ, сердце мое слышитъ! Выдѣли меня до грѣха, отдай мнѣ что будетъ моимъ, и я не стану болѣе считаться съ вами, ни тягаться; пусть братья дѣлаютъ, отъ чего отстать не могутъ, пусть натравливаютъ тебя, старика, на меня, а я — стану молчать; выдѣли только меня, батюшка, честно, правдиво, безобидно.»

— А какой дѣлежъ, по твоему, будетъ правдивъ и безобиденъ? — спросилъ старикъ, сидя на землѣ орликомъ, перекинувъ руку за руку на колѣняхъ и глянувъ черными очами своими, подернутыми притворнымъ спокойствіемъ, на стоящаго передъ нимъ сына.

«А вотъ какой: дай ты мнѣ всего скота по ровну съ братьями, да прибавь еще что нибудь за калымъ сестры, которую вы продали какъ барана — и дѣло кончено!»

— Не только не будетъ тебѣ прибавки за сестру, — отвѣчалъ старикъ, покачивая головою, — но я, коли Богъ пособитъ, вычту еще съ тебя калымъ, который выплатилъ я Тохтамышу за невѣсту твою: возьми ее къ себѣ, сорванецъ бѣшаный! —

«Твоя воля браниться, отецъ, а я ее не беру; есть у меня жена, а покуда другой не хочу. И не будетъ помощи тебѣ отъ Бога на неправое дѣло, не призывай его! Не годится мнѣ, сыну, съ тобою считаться; бранились вы со мною годы, не хочу я браниться съ вами ни годины; слушай: если бы я взялъ за себя Дамилю, дочь Тохтамыша, то ты бы не сталъ искать на мнѣ калыма, который за нее отдалъ; за что же теперь правишь его съ меня? развѣ легче тебѣ будетъ, коли возьму за себя еще другую жену?»

— Пусть не пропадаетъ даромъ добро мое — отвѣчалъ упрямый старикъ настоятельно; — я заплатилъ за нее… —

«Дѣло твое не правое, батюшка; видитъ Аллахъ, не правое; и самъ ты видишь это; но….. суди Богъ, какъ знаетъ, а кромѣ его намъ нѣтъ судьи. Слушай же: я съ тебя

правлю калымъ за сестру, ты съ меня калымъ за невѣсту; верстай же калымъ за калымъ; пусть добро мое пропадаетъ, да выдѣли меня только на ровнѣ съ братьями, и я снова Божій и твой!»

— Нѣтъ тебѣ калыма за сестру, — молвилъ упрямый старикъ, — моя она дочь, а не твоя; а выдѣлю я тебя съ учетомъ за весь калымъ невѣсты твоей, Дамили, и живи какъ знаешь! —

Это огорчило Бикея вконецъ и раздражило его крайне. «Со старикомъ нечего дѣлать,» подумалъ онъ; «старикъ выжилъ изъ лѣтъ; онъ дряхлъ и глупъ, а все таки отецъ мой; но мнѣ отвѣтъ держать должны братья; они не ребяты и не старичишки, а знаютъ дѣло и понимаютъ его не хуже меня. А уступить имъ, я не уступлю: они и такъ уже заживо обобрали и отца и меня; выманили у него что ни есть лучшихъ скакуновъ, то туда, то сюда, и я же остался у нихъ въ дуракахъ; а мнѣ имѣнье нужно, нужнѣе ихняго; я и такъ уже позамотался не много, да и не доплатилъ еще Уральцамъ половину займа,

на калымъ Мауляны — а срокъ подходитъ; они *кунаки* и *дустлары* мои, и друзья и пріятели, да если я не раздѣлаюсь съ ними въ срокъ — такъ видно класть имъ будетъ послѣ по *тринадцати* барановъ на дюжину! Упрямый старикъ! За то, что не хочу держать другой жены, что не хочу засватанной имъ невѣсты, правитъ онъ съ меня калымъ; будто не все одно ему, за ту ли, за эту ли онъ отдалъ добро свое, и не разсудитъ, что Мауляну я самъ засваталъ, самъ, за свое добро, а не онъ! А самъ онъ продалъ сестру, что калмычку, и молчитъ; и тѣ тоже, Богъ ихъ суди, притаились съ нимъ и залегли въ заплотъ, всѣ за одно, на меня жъ! такъ нѣтъ, онъ правъ, вишь, а я виноватъ! добро, все это братья! *Джяманъ – кшиляръ*, подлецы они; у меня рука на нихъ не подымется, а языкъ поворотится, буду смѣяться имъ въ глаза, буду дурачить ихъ при людяхъ; имъ стыдно станетъ и — авось, дадутъ они мнѣ покой!»

Прошло нѣсколько времени и Исянгильди назначилъ въ стадахъ и табунахъ своихъ участки сыновьямъ: изъ

доли Бикея, братья выбрали себѣ, съ согласія отца, любую сотню головъ крупнаго скота и объявили ихъ своими. Столько, утверждали они, старикъ далъ калыму, за первую невѣсту Бикея. И здѣсь опять Бикей былъ обиженъ вдвойнѣ; во первыхъ, не за что было взыскивать и вычитать калымъ этотъ съ него за то только, что онъ не бралъ другой жены; а во вторыхъ, Исянгильди никогда ста головъ не заплатилъ Тохтамышу, а почти вчетверо менѣе. Это былъ одинъ только предлогъ, чтобы обобрать и обдѣлить Бикея, по мѣрѣ силъ и возможности. Но онъ и тутъ не вышелъ изъ себя, и не измѣнилъ себѣ: «берите,» говорилъ онъ смѣючись, «берите, что хотите, будьте пастухами моими, я же вамъ за это спасибо скажу! берите и пасите; да только приглядывайте у меня за добромъ моимъ исправно: счетомъ взяли, счетомъ и отдадите!»

Бикей дѣйствительно въ полной мѣрѣ оставался вѣренъ слову своему и дѣло слѣдовало слову: когда онъ нуждался въ конѣ, когда хотѣлъ рѣзать барана, то

приходилъ, какъ хозяинъ, въ стада братьевъ своихъ, бралъ взачетъ, что хотѣлъ, распоряжался въ самомъ дѣлѣ какъ у пастуховъ своихъ, какъ дома; онъ при этомъ всегда успѣвалъ молодецкимъ обычаемъ своимъ, всегда дѣлалъ набѣги эти удачно, хотя, изъ похвальбы и хвастовства, а можетъ быть и изъ благоразумной предосторожности — ходилъ на поискъ этотъ всегда одинъ, безъ всякаго оружія; ходилъ, какъ самъ говаривалъ, въ свои стада, къ пастухамъ своимъ. Такимъ образомъ Бикей, въ теченіе лѣта, отогналъ у братьевъ уже нѣсколько головъ разнаго скота; и братья — чувствуя неправое дѣло свое, которое всѣ сосѣдніе аулы, гласъ народа, давно уже порѣшили въ пользу Бикея, братья ссорились, бранились, грозили, просили на него шумными и нахальными рѣчами у отца, драли горло — и только. Они пытались было нѣсколько разъ поверстать убытки свои изъ стадъ и табуновъ Бикея, угоняли обратно у него, по кореннымъ, степнымъ законамъ баранты, овецъ и лошадей — но скоро оставили этотъ

напрасный трудъ: Бикей никогда не отражалъ ихъ силою, никогда не встрѣчалъ ихъ, какъ они надѣялись можетъ–быть, — съ оружіемъ; словомъ, онъ ни малѣйше не противился набѣгамъ и покушеніямъ ихъ: «Берите,» говорилъ онъ, «берите что хотите; пасите, приглядывайте за добромъ моимъ, а коли прокормите скотину мою благополучно зиму, такъ я ее приму отъ васъ снова весною, и подарю еще, пожалуй, за пастьбу, сороковину. Мнѣ же лучше: буду сидѣть въ зимніе бураны спокойно съ хозяйкою своею въ *тирмэ,* въ кибиткѣ, не буду плестись и разъѣзжать худоконнымъ вершникомъ, на исхудавшей клячѣ, согнувшись горбомъ отъ стужи и бурану, въ тройномъ *ярг акпъ,* да въ мохнатомъ *тумакъ,* (*) и сгонять хриплымъ голосомъ и ознобленною рукою разбитые зимнею вьюгою стада и табуны! Буду грѣться подъ крышей, у огня, буду отогрѣвать и пить замороженный впрокъ кумызъ, буду пить

(*) Тумакъ, малахай, карноухъ — шапка о трехъ лоскутахъ, покрывающихъ щеки и затылокъ.

грѣтую, теплую воду (**), а закусывать *крутомъ*, (***) буду ѣсть копченые кониные колбасы и полотки... а вы пасите за меня скотъ мой; все равно, надобно жъ мнѣ нанимать пастуховъ!»

Это обстоятельство поставило вовсе въ тупикъ братьевъ Бикеевыхъ; нѣтъ суда и нѣтъ средствъ ни покорить его, ни наказать; а сколько они ни стерегли его въ табунахъ своихъ, сколько ни старались поймать его на мѣстѣ, все по пустому и безъ малѣйшаго успѣха. Онъ надъ ними только потѣшался: онъ стращалъ и подсылалъ сказать, что пріѣдетъ въ темную полночь за расправою, и братья вооружались, стерегли, разъѣзжали всю ночь на пролетъ; а онъ являлся среди бѣлаго дня, кидался на любаго скакуна и улеталъ стрѣлою, прежде чѣмъ пастухи успѣвали повѣстить братьевъ его о новомъ набѣгѣ и похищеніи.

Братья, составивъ съ отцемъ совѣтъ, рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему

(**) Кайсаки — особенно почетные, степенные люди, никогда не пьютъ холодной воды, производя отъ нея множество болѣзней; котелокъ съ водою лѣто и зиму прѣетъ на небольшомъ, кизячномъ огонькѣ, и это ихъ обыкновенное питье, коли нѣтъ кумызу.

(***) Соленый, высушеный овечій сыръ, обыкновенная и любимая ихъ пища.

средству: позвать *баксы*, киргискаго шамана, обѣщать ему лучшаго стригуна, жеребенка, если онъ откроетъ имъ средство, какъ наказать брата и воротить отъ него все добро свое.

Пусть читателей не удивляетъ этотъ языческій шаманъ, среди почитателей ислама: я думаю они — читатели — припомнятъ, что есть, гдѣ–то иная, чистѣйшая, спасительнѣйшая вѣра, среди которой однакоже процвѣтаютъ, во всемъ блескѣ своемъ, и ворожба, и заговоры, и колдовство, и гаданья, и всякая всячина; словомъ, тоже самое шаманство…

Баксы этого привезли верхомъ на быкѣ, въ носовой хрящъ котораго продѣтъ былъ арканъ; экипажъ, на коемъ разъѣзжаютъ впрочемъ и не одни баксы, а вообще неимущіе, пастухи и другіе люди. Баксы этотъ, съ обнаженною, черною грудью своею, съ худощавымъ, смуглымъ, судорожно истерзаннымъ лицомъ и черными, косыми очами — съ длинной, черной, лосняющеюся косою, въ лохмотьяхъ, съ ногъ до головы, былъ гаже

и отвратительнѣе всего, что можно только постичь пятью чувствами. Глядя на него, обдавало васъ мурашками, какъ въ обществѣ безумнаго, прокаженнаго, который напоминаетъ както наружностію своею человѣка, но, въ сущности, есть тварь безсмысленная. Сближеніе это, для всякаго мыслящаго человѣка, тягостно, унизительно и больно. Баксы нашъ былъ и жалокъ и смѣшенъ, коли хотите, но болѣе всего не изященъ и отвратителенъ. Онъ началъ продѣлку свою тѣмъ, что велѣлъ отыскать въ аулѣ и привести къ себѣ больнаго; этотъ бѣднякъ поплатился за все. Баксы мучилъ и терзалъ его неотступно; ему, шаману, нужно было выгнать изъ хвораго *шайтана*, чтобы съ нимъ вдвоемъ потолковать объ извѣстномъ дѣлѣ. Можно себѣ вообразить, что выйдетъ доброе дѣло, изъ обоюднаго совѣщанія бѣснующагося, воплощеннаго бѣса, съ шайтаномъ, съ чортомъ!

Вся продѣлка баксы состоитъ въ томъ, что онъ садится, посреди кибитки, на земь, засучиваетъ рукава и начинаетъ медленно и

спокойно пѣть, подыгрывая на *кобзѣ* и покачиваясь съ боку на бокъ. Мало по малу онъ входитъ въ восторгъ, реветъ громче и безтолковѣе; толстыя, короткія струны и смычекъ дико вторятъ неистовому напѣву бѣснующагося — а наконецъ, вышедъ изъ себя, вскочивъ, кривляясь и ломаясь ужаснымъ образомъ, объявляетъ баксы, что бѣсъ въ него влѣзъ: тогда вопрошаютъ его о чемъ нужно, и онъ, кусая себя зубами, при чемъ присутствующіе вскакиваютъ и кричатъ: *миньмъ кулымъ*, моя рука, чтобы, видите, онъ самъ себя не изувѣчилъ — царапаясь ногтями, заколачивая, довольно грубымъ обманомъ, ножъ или топоръ себѣ въ брюхо, и прочее, и прочее, оканчиваетъ наконецъ продѣлку тѣмъ же, какъ и началъ: провожаетъ чорта на кобзѣ, и выпроводивъ его, опять дѣлается человѣкомъ.

И такъ, баксы кричалъ и пѣлъ и метался и падалъ и стегалъ самъ себя плетью, приподымалъ больнаго зубами за поясъ и ронялъ его на землю; ломался, пѣлъ, потомъ снова успокоился, усѣлся, началъ

рыпѣть смычкомъ по гудку, который состоялъ изъ корытца или долбушки, вилообразной подставки и трехъ, свитыхъ изъ конскихъ волосъ, струнъ — началъ, сидя, покачиваться туда и сюда, косить и подкатывать бѣльма свои, вскочилъ снова, ревѣлъ туромъ и ржалъ жеребцомъ, а наконецъ поставилъ хвораго на четверенки, грудью надъ глиняною плошкой, которая горѣла семью яркими огнями, и началъ, заглушая крикомъ своимъ стоны больнаго, бить его по спинѣ нагайкой... онъ читалъ и пророчилъ по щелямъ и трещинамъ зженой бараньей лопатки, къ которой ножъ и зубъ не смѣли прикоснуться — опять ломался и бѣсновался, словомъ, не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы онъ не оборвался наконецъ со стропилъ, или съ круга кибитки, куда полѣзъ, шайтанъ его знаетъ за чѣмъ, и не упалъ бы, среди бѣшенства своего и иступленія, на дымящіяся посреди кибитки головни; бумажный, стеганый, изодраный халатъ его вспыхнулъ, и знахаря нашего на силу залили турсукомъ воды. Это приключеніе уняло, простудило и

угомонило нѣсколько гаера; онъ успокоился и потребовалъ пить: ему подали чашу кумызу. Потъ съ него, съ лѣшаго, катился градомъ, вода бѣжала ручьемъ, а корча все еще ломала и коробила его во всѣ стороны. Онъ свалился съ ногъ, пролежалъ не много зажмурившись, въ безпамятствѣ, и прокричалъ слѣдующій приговоръ: *Жень судья — мужъ; дочери — отецъ; а возмужалому человѣку — старшій въ родѣ. Передъ судью долженъ явиться обвиняемый во всякое время; а непокорнаго судьѣ, Богъ велитъ навязать на хвостъ кулану, (*) и пустить на безводный, раскаленный кизылъ–кумъ!*

Этимъ представленіе кончилось. Баксы выспался, наѣлся, напился, взялъ стригуна своего и отправился верхомъ, на томъ же быкѣ, на которомъ прибылъ.

Однажды, на расвѣтѣ — это было осенью, когда въ другихъ странахъ одна только вершина шатра небеснаго сквозитъ еще своею лазурью, а небосклонъ облегаютъ уже сѣрыя, сребристыя тучки, и

(*) Дикой лошади.

когда въ Оренбургѣ и степныхъ окрестностяхъ его, свѣтлое, тихое и безоблачное небо — до Ноября и позже — стоитъ неподвижно и величественно, подъ безконечнымъ пространствомъ желтой, блеклой степи, и кой гдѣ еще колышется уцѣлѣвшій кустъ стараго, серебристаго ковыла — на расвѣтѣ такого дня, 4–го Сентября 1831 года, прискакалъ одинъ изъ табунщиковъ старшихъ сыновъ Исянгильдіевыхъ, Джанъ–кучюка или Кунакъ–бая, съ вѣстью, что Бикей опять уже пріѣхалъ хозяйничать въ косяки братніе. Поскакавшіе въ табунъ хозяева нашли все въ своемъ порядкѣ, Бикея уже не было, а пастухи донесли, что онъ угналъ пару отборныхъ коней — и ускакалъ. Братья Бикея теперь приступили къ отцу и неотвязчиво требовали, чтобы онъ вызвалъ на судъ сына: они собрали, на скорую руку, нѣсколько человѣкъ, изъ единомышленныхъ родственниковъ своихъ, въ кибитку старика Исянгильдія, увѣрили отца, что въ этомъ общемъ засѣданіи должно судить и осудить Бикея — и

перекричавъ всѣхъ и оглушивъ крикомъ своимъ самого отца, поставили, какъ то обыкновенно водится у пріятелей нашихъ, кайсаковъ, дѣло на своемъ. Они раздражили старика и вывели его изъ себя.

«Позвать его ко мнѣ!» заревѣлъ онъ, и глаза его искрились гнѣвомъ неукротимымъ, губы дрожали, «позвать сейчасъ; я отецъ его, я старшій въ родѣ *Тана*, старшій въ поколѣніи *Гассанъ*, я глава семейства *Янмурзы*, я судья беззаконію его, я и каратель; я ему докажу, что своеволіе его мнѣ надоѣло; докажу, что я ему судья, а не онъ мнѣ! позвать его сей часъ!»

И гонецъ слеталъ уже въ аулъ Бикея, не оглядываясь, и привезъ уже отвѣтъ: «Тебя послали братья мои, а не отецъ; отцу уже нѣтъ дѣла до ссоръ нашихъ, онъ выдѣлилъ насъ, по своему, и отказался отъ правосудія. На зовъ отца я готовъ итти всегда, но тебя послали братья. Скажи жъ имъ, братьямъ моимъ, что я наказовъ ихъ не слушаю, что званый къ нимъ не ѣду, а ѣзжу незваный: а ихъ прошу, коли хотятъ,

пожаловать въ гости ко мнѣ во всякое время, саба (*) моя полна кумызу, баранъ всегда найдется для гостей, и коверъ, на подстилку.»

— Подайте его сюда! — заревѣлъ бѣшеный старикъ, вышедъ изъ себя, когда сыновья донесли ему слова Бикея, по своему — подайте его сюда, — кричалъ онъ, вскочивъ съ кошмы своей, покрытой ковромъ персидскимъ, современнымъ Надыръ–Шаху — подайте!

«Нейдетъ онъ», отвѣчали въ голосъ Джанъ–кучюкъ и Кунакь–бай, «смѣется немощному, слабому старцу, нейдетъ, и знать его не хочетъ!»

— Живаго или мертваго подайте! — гаркнулъ иступленный старикъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ, — я приказываю, чтобы онъ былъ здѣсь черезъ полчаса! —

Вотъ слова, которыхъ жаждали, вѣроятно уже нѣсколько лѣтъ сряду, братья Бикея; и неуспѣлъ еще, выведенный изъ себя отецъ, произнести страшныхъ угрозъ, какъ они были уже обращены въ

(*) Кожаный мѣхъ большаго размѣра, турсукъ меньшаго.

наказъ и въ самое дѣло. Шестеро вооруженныхъ вершниковъ мчались уже во весь духъ по тому же направленію, по коему едва только первый гонецъ возвратился.

Бикей собирался ѣхать на Линію, въ Калмыкову крѣпость, и жена ему подводила коня, когда, занесши уже ногу въ стремя, Бикей поднялъ голову и увидѣлъ всадниковъ. Предугадывалъ ли онъ послѣдствія отказа своего и хотѣлъ избѣгнуть, на первый случай, встрѣчи, или случайно и ничего не замышляя, собрался въ этотъ путь — не знаю; но было такъ, какъ я расказываю. Онъ мигомъ узналъ дорогихъ гостей, впереди которыхъ летѣли любезные братья его — угадалъ, по чеканамъ и копьямъ, что они ѣдутъ не въ гости къ нему — и — впервые — измѣнилъ себѣ и обычаю своему, впервые не нашелся; хладнокровіе его не устояло противу этого новаго, стремительнаго натиска мерзавцевъ; — онъ кинулся въ кибитку за оружіемъ.

Мауляна, покинувъ поводъ вѣрнаго коня, бросилась за мужемъ и выкрутила силою изъ рукъ его винтовку, не внимая заклинаніямъ и божбѣ Бикея, что онъ стрѣлять по братьямъ не станетъ, что даже ружье не заряжено, что онъ только въ острастку имъ беретъ *мултукъ* свой, зная, что никто не посмѣетъ сунуться на него, и братья первые уйдутъ домой, не оглядываясь, коли увидятъ ружье въ рукахъ его; не смотря на все это, она силою обезоружила Бикея, вывела изъ кибитки, требуя и настаивая, чтобы онъ сѣлъ, невооруженный, на жеребца и ускакалъ бы, какъ намѣревался прежде, на Линію.

Ни–хотя, и какъ бы предчувствуя всю бѣду, повиновался онъ Маулянѣ, любимицѣ своей; «садись,» кричала она, «садись и скачи,» вынесла мужа почти на рукахъ изъ кибитки, и увидѣла, что покинутый ею въ испугѣ, безъ надзора конь, на котораго была вся надежда, конь, съ которымъ неудачи въ побѣгѣ и быть не могло — тряхнулъ гривою, почуявъ вольность свою, и ускакалъ.

Бикей вскочилъ на какую–то клячонку, которая стояла, осѣдланная, подлѣ сосѣдней кибитки и вѣроятно принадлежала какому нибудь пріѣзжему гостю, или пастуху; вскочилъ — и по первой выступкѣ кобылки позналъ моготу ея: ему и думать нельзя было уйти на ней отъ шести вершниковъ, которые уже доскакивали до аула; Бикей, будучи, какъ уже сказалъ я, вовсе безороженъ, и теперь такъ близокъ къ бѣдствію, снова нашелся и успокоился; онъ повернулъ въ тужъ минуту встрѣчу погонѣ и подъѣхалъ, шагомъ, къ дикому звѣрю, котораго, какъ говорилъ я выше, сама природа запятнала не двумысленною печатью, присудивъ Бикею называть его *карандашъ* — одноутробнымъ. Бикей принялъ спокойный видъ и произнесъ всегдашнее привѣтствіе: *салямъ–алейкюмъ;* но получилъ въ отвѣтъ, вмѣсто обычнаго: *алейкюмъ–салямъ* — градъ ругательныхъ словъ, въ которыхъ татарскіе народы едва ли не перещеголяли насъ, русскихъ, и которыхъ я повторять здѣсь не намѣренъ — а за тѣмъ, выслушалъ объявленіе слѣдовать

за ними, за братьями, коли не хочетъ, чтобы надъ нимъ былъ исполненъ смертный приговоръ отцовскій.

«Я ѣду сегодня въ другое мѣсто,» отвѣчалъ Бикей твердо и спокойно, «и съ вами ѣхать мнѣ не по пути; а какъ вы, кажется, отправляетесь куда нибудь на разбой, то я мѣшать вамъ не стану; прощайте!» И за словомъ поворотилъ онъ коня отъ нихъ и поѣхалъ, шагомъ, своимъ путемъ.

Старшій братъ, Джанъ–кучюкъ, не далъ ему отъѣхать пяти шаговъ, какъ, налетѣвъ на него сзади, разсѣкъ ему, тяжелымъ чеканомъ своимъ, черепъ. Бикей зашатался, припалъ, обезпамятѣвъ, на переднюю луку, замоталъ обѣ руки въ гриву — и уже болѣе лица не подымалъ. Невѣрный конь равнодушно продолжалъ путь свой, шагомъ. Всадникъ его былъ убитъ или добитъ обоими братьями и снятъ уже мертвый съ сѣдла. Остывшіе, судорожно сомкнутые персты, насилу были выпутаны изъ косматой гривы клячонки.

=

ГЛАВА 6.

ВДОВИЦА.

—

Не стоило бы начинать здѣсь еще новую главу; повѣсть моя, какъ сами видите, вся, или почти вся, а что остается досказать, то можно бы пришить и къ предыдущему. — Но, описавъ братоубійство, отдѣлилъ я толстою чертою писаное, отъ оставшагося внизу пробѣла, и кинулъ перо; нынѣ же, когда пробѣжалъ я снова давно наброшеный расказъ свой, съ тѣмъ, чтобы предать его тисненію, наткнулся я на эту длинную и толстую черту, Бикеевъ скромный мавзолей — не хочется мнѣ тревожить памяти и праха убитаго, разоренiемъ этого, отъ избытка чувствъ сооруженнаго, памятника; — невольно перевертываю листъ и начинаю въ новую строку.

Бикей былъ убитъ; месть и жажда крови братьевъ–изверговъ утолена; онъ лежалъ передъ ними бездыханенъ, и алая кровь его запеклась на желтой, солнцемъ созженной,

сухой травѣ. Весь аулъ сбѣжался; старъ и малъ подняли крикъ и вой ужасный; всѣ кричали о мести, кричали: «кровь за кровь!» тревога поднялась и разлилась во всѣ стороны; и когда убійцы поспѣшно взвалили трупъ Бикеевъ на коня и помчались съ нимъ безъ оглядки въ аулъ Исянгильдія, то шумная, безтолковая толпа, съ угрозами и проклятіями, скакала вслѣдъ за убійцами вплоть до самой кибитки старшинской.

И на пути, неожиданное появленіе значительной конной толпы, встревожило всѣ аулы, а послышавъ крикъ: «Бикей *ульганъ*! — Бикей убитъ!» старъ и малъ завывали страшными голосами, и всплескивая руками, приставали къ поѣзду. Исянгильди, на крикъ приближенныхъ своихъ: «ѣдутъ! ѣдутъ!» вышелъ изъ кибитки своей въ сердцахъ, готовый встрѣтить гнѣвно, строго и сурово непокорнаго, кипящаго жизнію сына — и встрѣтилъ его — тихимъ, покорнымъ и *покойнымъ*…. какая разительная

противоположность — живой человѣкъ, и мертвый!

Лице Исянгильдія мгновенно измѣнилось, такъ что всѣ предстоящіе, взглянувъ на него, замолкли: казалось и здѣсь, въ чертахъ отцевскихъ, совершился переходъ отъ жизни къ смерти. Исянгильди прошепталъ, пробормоталъ что–то сложивъ руки, какъ привыкъ ихъ складывать ежедневно при *намазѣ*, молитвѣ, и наклонивъ голову, дрожащими перстами коснулся бороды своей — и все вокругъ затихло; шумная, дикая, голосистая толпа умолкла — отецъ убилъ сына, братъ брата; казалось, это было происшествіе, которое могло заставить опомниться и призадуматься даже и заяицкаго степнаго волка, называемаго у насъ киргизъ–кайсакомъ. Это выходило изъ круга дѣлъ обыкновенныхъ, и мохнатые зрители наши походили и сами на невыѣзженныхъ, дикихъ коней своихъ, которые храпѣли, когда проволокли по землѣ мимо ихъ трупъ убитаго, — пряли ушами, и выкативъ бѣльма, боязливо переступали съ ноги на–

ногу, попрашивая поводьевъ и оглядываясь другъ на друга.

И такъ, старикъ этого не ожидалъ. Опамятовавшись, спросилъ онъ: кто смѣлъ убить сына его? Убійцы громко, нагло и какъ–бы съ укоромъ отвѣчали ему: «Ты его убилъ, не мы; ты самъ, мы только исполнители воли твоей!»

Исянгильди замолкъ опять, глядя на трупъ сына, сложилъ, опустивъ ихъ передъ собою, руки, и, покачивая головою, повторилъ два раза: *минъ уны ультердымъ!* — я его убилъ; вынулъ изъ–за пояса ножъ, сдѣлалъ имъ разрѣзъ на обнаженной груди сыновняго трупа, омокнулъ палецъ въ простывшую уже кровь его, коснулся имъ устъ своихъ и сказалъ: *Лишаясь одного сына, я долженъ спасти остальныхъ; — я его убилъ; на мнѣ кровь его, на мнѣ и отвѣтъ за кровь.* — Потомъ онъ горько зарыдалъ, закрылъ лице руками, удалился въ *тирмэ,* въ теремъ свой, и не велѣлъ пускать къ себѣ убійцъ. Дѣло было сдѣлано, пособить было не–чѣмъ, и старикъ, зная строгость законовъ

нашихъ, зная и обратившійся въ неизмѣнный законъ обычай кровомести земляковъ своихъ — онъ предпочелъ взвалить на себя все бремя отвѣтственности и спасти, коли можно, остальныхъ сыновей своихъ.

Чтобы досказать начатое, а потомъ уже перейти къ иному, упомяну теперь же, чѣмъ рѣшилась судьба убійцъ.

Оренбургская Пограничная Коммисія писала объ этомъ, въ донесеніи своемъ, слѣдующее: «Всѣ вообще свѣденія, относительно смерти Бикея Исянгильдіева, состоятъ: въ донесеніи султана правителя, по показаніямъ вдовы умершаго; въ донесеніи султана Махмуда Алгазыева, посланнаго для розысканія, на мѣсто происшествія; а наконецъ, въ донесеніи самого отца, *подозрѣваемаго* въ убійствѣ сына. Въ первомъ, старшина Исянгильди съ сыновьями именуются умышленными убійцами; изъ втораго только видно, что султанъ Махмудъ не могъ или не хотѣлъ изслѣдовать дѣла; онъ говоритъ, что Бикей, упавъ съ лошади, самъ себя поранилъ

саблею и разбилъ голову, отъ чего и скончался. Отецъ умершаго, или убитаго, говоритъ тоже — а между тѣмъ уже откочевалъ по дальше отъ Линіи.

«Но народная молва, громко и согласно, обвиняетъ Исянгильдія со старшими сыновьями его, Джанъ–кучюкомъ и Кунакъ–баемъ, въ убійствѣ. Отецъ, послѣ продолжительныхъ и крайне запутанныхъ споровъ и ссоръ съ сыномъ своимъ Бикеемъ, подстрекаемъ и раздражаемъ будучи братьями и врагами его, Бикея, произнесъ, забывшись, роковой приговоръ, а тѣ исполнили его, не давъ остыть необузданнымъ чувствамъ старика. Но два обстоятельства важны въ молвѣ этой: первое, Бикей противъ отца никогда не забывался, и отвѣчалъ посланнымъ: «На зовъ отцевскій я готовъ итти во всякое время; но васъ послали братья, а не отецъ,» и второе: старикъ Исянгильди не ожидалъ и не хотѣлъ убійства; онъ горько и неутѣшно зарыдалъ, и обагрилъ самъ себя кровію убитаго, чтобы спасти, отъ мести народной и кары закона, остальныхъ сыновей и

родственниковъ своихъ, принять съ кровію убитаго всю отвѣтственность на себя и положить конецъ дѣлу, которое вовлекло бы въ бѣдствіе цѣлый родъ и племя его.

«Старшина Исянгильди считается однимъ изъ почетнѣйшихъ и, безъ сомнѣнія, самымъ богатымъ, изъ всѣхъ оренбургскихъ кайсаковъ; Гасановское отдѣленіе рода Тана, имъ управляемое, отличается благосостояніемъ и спокойствіемъ; Исянгильдію нынѣ — въ 1831 году — 88 лѣтъ отроду; преслѣдованіе виновныхъ по закону, было бы не только трудно и безполезно, но даже вредно и невозможно. Аулы гасановцевъ тогда, безъ сомнѣнія, немедленно откочевали бы отъ Линіи, богатые, почетные и многочисленные родственники старшины удалились бы въ степь, присоединившись къ шайкѣ разбойника Каипъ–галія (*), который нашелъ бы въ новыхъ приверженцахъ этихъ давно желанное подкрѣпленіе; сверхъ этого, виноватые не сознаются; уликъ законныхъ нѣтъ и найти ихъ почти

(*) Нынѣ ушедшаго въ Хиву и принявшаго, отъ хана Хивы, начальство надъ не принадлежащими вовсе Хивѣ кайсаками и туркменами.

невозможно, ибо всѣ прикосновенные къ дѣлу, не только никогда добровольно не явятся къ суду, но, напротивъ, ненавидя и не постигая судъ нашъ, законы и обряды нашего судопроизводства, уйдутъ, вмѣстѣ съ виновными, при первомъ слухѣ о начатіи законнаго слѣдствія. Словомъ, можно предвидѣть, что дѣло это затянулось бы на вѣчныя времена, не было бы никакихъ средствъ очистить его и порѣшить сообразно съ нашими постановленіями; мирные и покорные аулы, преслѣдуемые строгимъ и справедливымъ закономъ, обратились бы во враждебные, между тѣмъ, какъ съ другой стороны, все это не принесло бы ни малѣйшей пользы.

«Совершенное бездѣйствіе,» сказано далѣе въ донесеніи этомъ, «совершенное бездѣйствіе, со стороны начальства, было бы почти также невыгодно, какъ и чрезмѣрно строгое преслѣдованіе виновныхъ; а посему, кажется, было–бы сообразно съ дѣломъ и обоюдными выгодами народа и Правительства, поступить слѣдующимъ образомъ:

1. Объявить Исянгильдію и прочимъ соучастникамъ его, что они состоятъ въ подозрѣніи, по убійству старшины Бикея, — предоставляя имъ, коли пожелаютъ и возмогутъ, представить ясныя доказательства невинности своей.

2. До этого, отрѣшить старшину Исянгильдія отъ должности дистаночнаго начальника надъ линѣйными киргизами 4–й дистанціи.

3. Имена всѣхъ сотоварищей Исянгильдія внести въ алфавитный списокъ подозрительныхъ киргизовъ.

4. Султану правителю предписать: имѣть строгое наблюденіе за поведеніемъ и поступками подозрѣваемыхъ.

5. Ему же предписать, принять подъ покровительство свое, оставшееся послѣ убитаго семейство.

6. Обо всемъ вышеозначеннымъ обнародовать по Ордѣ.»

Вотъ въ чемъ состояло распоряженіе, безъ сомнѣнія вполнѣ благоразумное и сообразное съ мѣстными обстоятельствами; оно, конечно, въ сущности, не измѣнило

положенія дѣла, потому, что дѣло это было, въ отношеніи мѣръ законной власти, неисправимо и неизмѣняемо. Не должно забыть, что начальство наше вѣдалось здѣсь не съ образованными подданными своими, а съ дикарями; что убійцы не сознавались въ злодѣяніи своемъ и что, какъ мы видѣли, въ донесеніи султана правителя было сказано, будто бы Бикей умеръ отъ нечаяннаго самоубійства: онъ, увѣряли, на скаку спотыкнулся и напоролся на саблю свою. Всѣ знали что это вздоръ; но кто, по вызову начальства, пріѣдетъ со степи на Линію, для изобличенія виновныхъ? Кайсаки боятся суда и судій, какъ огня.

Происшествіе это нынѣ заснуло повидимому въ памяти причастныхъ ему, съ той и съ другой стороны — но, это искры, тлѣющія подъ легкимъ пепломъ. Стоитъ только пахнуть вѣтру — и пламя вспыхнетъ и разгорится; а въ Заяицкой степи, богатой буранами, за этимъ, едва ли станетъ дѣло! Здѣсь каждая драка, каждая ссора, а тѣмъ болѣе убійство, влекутъ необходимо за

собою цѣлый поѣздъ подобныхъ явленій. Такъ и нынѣ: вражда Бикея съ братьями и съ отцемъ, расплодилась, размножилась до безконечности; нынѣ взаимновраждующіе насчитываютъ другъ на друга слѣдующіе долги и недоимки: 1) Наслѣдники Бикея правятъ съ отца и братьевъ его старый долгъ, извѣстный калымъ, за сестру Бикея; 2) Требуютъ *кунъ*, за убіеніе послѣдняго; и наконецъ еще, 3) требуютъ уплаты, за косяки и стада, захваченные Исянгильдіемъ или сыновьями его, силою, послѣ убійства, изъ принадлежавшихъ собственно Маулянѣ и Бикею, равно изъ имѣнія второй жены Исянгильдіевой, матери Бикея, для удовлетворенія Мауляны и освобожденія симъ самымъ захваченнаго въ Уральскѣ, въ залогъ, сына своего Кунак–бая.

Вотъ какъ многосложны семейные раздоры, послѣдовавшіе убіенію Бикея; и можно, не бывъ пророкомъ, ожидать, что, скоро ль, нѣтъ ли, каша снова заварится и будетъ стоить, можетъ быть, не одной батырской головы. Месть за кровь убитаго, есть доблесть, столь свято въ степи чтимая,

что доселѣ небыло еще, какъ говорятъ, примѣру, гдѣ бы наслѣдники и родичи убитаго забывали выместить, хотя бы то и въ десятомъ поколѣніи, позорную смерть пращура.

Теперь я долженъ приступить еще къ расказу одного обстоятельства, трогательнаго и истиннаго, относительно вдовицы Бикея, милой и прекрасной Мауляны.

Плано–Карпини, ѣздившій въ 1246 году, по приказанію папы, чрезъ Россію къ татарамъ и монголамъ и благополучно возвратившійся опять во своясы, говоритъ, между прочимъ, въ достойномъ любопытства путешествіи своемъ, написанномъ имъ по латыни, что у помянутыхъ народовъ ведется обычай, по которому каждая вдова обязана вытти за брата, или ближайшаго родственника умершаго. Изъ этого замѣчанія мы усматриваемъ, какъ древни бываютъ иногда обычаи народные: почти шесть столѣтій протекло, и мы нынѣ находимъ у киргизовъ тоже. Жена есть вещь, купленная мужемъ;

она принадлежитъ ближайшему по немъ наслѣднику, по той линіи, отъ которой былъ выданъ калымъ, то есть, по восходящей, или боковой, отцевской, но отнюдь не по нисходящей; такъ, что мать, по смерти мужа своего, никогда не можетъ достаться въ удѣлъ сыну, а принадлежитъ боковымъ родственникамъ отца, братьямъ, дядямъ его и прочее.

И Мауляна, лишившись мужа, доставалась въ удѣлъ... убійцѣ его, старшему брату, Джан–кучюку, который присватывался за нею еще въ дѣвствѣ ея, и никогда не могъ простить счастливому сопернику, оказанное ему преимущество. И такъ, вотъ еще новая пружина, новая махина, рычагъ и воротъ! Какъ было не посягнуть Джан–кучюку на жизнь ненавистнаго ему брата, коли, сверхъ всего, подвигъ его долженъ былъ увѣнчаться такою наградой! Погубить соперника, уничтожить, стоптать въ прахъ противника своего и врага, — брата онъ въ немъ не зналъ и не видѣлъ — быть въ тоже время наслѣдникомъ достоянія его, силы и власти;

а наконецъ, утолить еще жажду мщенія, отверженной съ презрѣніемъ любви — обнять насильственно гордую, заносчивую, насмѣшливую, а все таки прекрасную Мауляну — все это соблазнило бы можетъ быть и не одного Джан–кучюка, который не умѣлъ отдавать себѣ и другимъ никакого отчета въ поступкахъ своихъ, а дѣйствовалъ, какъ руки и ноги подымались, какъ дѣйствуетъ волкъ и коршунъ.

Въ какомъ положеніи была бѣдная Мауляна по убіеніи мужа ея — этого, воистину, выразить словами нельзя. Мнѣ говорилъ объ этомъ, между прочимъ, близкій родственникъ ея, прискакавшій къ ней на помощь изъ дальняго аула, въ ночь по совершеніи злодѣянія. Отчаяніе въ груди, въ умѣ дикарки, не знаетъ никакой мѣры. Но каково было потомъ еще положеніе ея, когда, на третій день послѣ убійства, Джан–кучюкъ пріѣхалъ было объявить ей, что она теперь его *джясыръ*, и будетъ его четвертою женою? Она едва не зарѣзала его большимъ кабульскимъ ножемъ своимъ, въ бирюзовой оправѣ, съ

черномъ изъ рогу носорога, и Джан–кучюкъ бѣжалъ отъ иступленной, не только по всему аулу — бѣжалъ отъ нее верхомъ, и степью, и палъ бы, можетъ быть, подъ обоюдо–острымъ *каратабаномъ* ея, еслибъ своякъ ея, султанъ Кусябъ, не кинулся за нею въ погоню и не отнялъ бы у нея ханджара. Султанъ привелъ ее, лишенную ума и памяти, домой, и несчастная провела ужасную ночь, въ злѣйшей горячкѣ. Все утро она проплакала, рыдала горько и неутѣшно, во весь день не брала ни крохи, ни капли въ ротъ, а къ вечеру спокойно уснула. Утромъ, на расвѣтѣ, спохватились — Мауляны нѣтъ. Кидались туда, сюда, по цѣлому аулу, поскакали въ аулы сосѣдніе — Мауляны нѣтъ, и слуху объ ней никакого. Не могли ничего придумать, куда бы ей дѣваться, коли не кинулась она, въ безпамятствѣ, въ Яикъ; какъ около полудни уже, узнали отъ пикетныхъ, отъ сторожевыхъ уральскихъ казаковъ, занимающихъ передовую цѣпь по лѣвому берегу Урала, узнали, что киргизка, на расвѣтѣ, промчалась мимо, о треконь, и

казаки, окликнувъ ее, не могли догнать. Мауляна ушла ночью изъ аула, поймала тройку удалыхъ коней — сѣла, и — не переводя духу, прискакала въ Уральскъ, гдѣ явилась къ атаману, Д. М. Б., прилетѣвъ прямикомъ къ нему во дворъ. Не скажу я сколько верстъ проскакала Мауляна, въ какихъ нибудь двадцать часовъ, пересаживаясь съ коня на коня, между тѣмъ какъ порожнихъ лошадей гнала во весь духъ передъ собою, а загнанныхъ покидала — не скажу для того, что степь дорога не мѣряная; а еслибы я повторилъ только общую молву объ этомъ, то безъ всякаго сомнѣнія, назвали бы вѣсть мою преувеличеннымъ, не заслуживающимъ никакого вѣроятія, пустословіемъ. Скажу только, что Калмыкова крѣпость, противъ которой кочевали тогда гасанцы, отстоитъ отъ Уральска 270 верстъ; что верстъ полтораста въ сутки, дѣлаетъ двуконный, исправный киргизъ легко; а сколько въ двадцать часовъ можно выскакать на трехъ перемѣнныхъ, добрыхъ скакунахъ — коли станетъ на это силъ ѣздока, это досужіе

читатели мои расчитаютъ по пальцамъ и безъ меня, и тогда, пусть и пеняютъ не на меня, коли выйдетъ — очень много!

Атаманъ препроводилъ, искавшую у него убѣжища, убитую судьбою красавицу, къ Военному Губернатору, въ Оренбургъ. Смѣло и величественно вступила она въ переднюю залу и — чрезвычайно поразила находившихся тамъ, осанкою своею, красотою, смѣлою и величавою поступью и неожиданнымъ появленіемъ. Не менѣе того былъ изумленъ и самъ Военный Губернаторъ. Мауляна говорила, что пріѣхала искать защиты его, ибо у нее нѣтъ — въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, благонадежнаго убѣжища. «Я пріѣхала,» продолжала она спокойно и твердо, «просить позволенія губернаторскаго, зарѣзать изъ рукъ своихъ Джанъ–кучюка, убійцу мужа моего.» Просьбу эту повторяла она нѣсколько разъ, съ такимъ прямодушіемъ и такъ настоятельно, что стоило большаго труда, вразумить ее и убѣдить отказаться отъ этого предпріятія. Долго думала она, что графъ не понимаетъ

просьбы ея и что переводчикъ виноватъ недоразумѣнію. Наконецъ, когда дѣло для нея объяснилось, объявила она рѣшительно, чтобъ покрайней мѣрѣ не переступитъ обратно порога, доколѣ не получитъ великаго слова Намѣстника Царскаго, что она будетъ жить спокойно въ аулѣ отцевскомъ, и не будетъ выдана убійцѣ мужа. «*Ни файда* — что пользы въ этомъ,» говорила она выразительнымъ, трогательнымъ голосомъ — «что пользы, коли выдадутъ меня ему? Я его зарѣжу, въ первую же ночь; и.... назовите мнѣ хотя одну душу въ мірѣ, которой бы отъ этого было легче!»

Мауляна была доставлена, подъ вѣрнымъ прикрытіемъ, въ аулъ отца своего, Киргиза Сатлы, рода Баюлы, отдѣленія Маскаръ. Джан–кучюку намекнули, чтобы онъ искалъ себѣ другой невѣсты, буде имѣетъ надобность въ четвертой женѣ. Мужнее имущество возвращено Маулянѣ безъ замедленія, хотя и при этомъ опять произошло, къ несчастію, новое

злоупотребленіе со стороны ей виноватыхъ, какъ мы видѣли это выше.

На этомъ я бы могъ кончить; но я не могу и не хочу утаить и окончательной доли милой Мауляны, потому что я пишу не сказку, а быль.

У меня есть въ Оренбургѣ товарищъ, знакомый, близкій человѣкъ, котораго я крайне люблю и уважаю. Онъ изъ числа тѣхъ людей, коихъ большею частію называютъ — чудаками, и это по-дѣломъ; они всегда пекутся только о благѣ и добрѣ чужомъ, а сами вѣчно не при чемъ; кричатъ и надрываются, коли *честный человѣкъ*, который взялъ мѣсто, для того, чтобы оно его кормило — коли этотъ честный человѣкъ, изъ скуднаго жалованья своего, высиживаетъ не большіе векселишки, да кой-какіе каменные домишки; пріятель мой человѣкъ, который, не взирая ни на чинъ, ни на мѣсто, ни на званіе, кричитъ вслухъ, по улицамъ и на базарѣ, что такой-то воръ, такой-то плутъ, а такой-то мошенникъ; оно, иному, знаете, и не пріятно. Онъ вообще все дѣлаетъ по своему; люди

ѣздятъ по Линіи, по большой, битой дорогѣ, да водятъ за собою цѣлый поѣздъ конвойныхъ; а онъ всю степь насквозь, вдоль и поперегъ, прошелъ одинъ, припѣвая: *А и первый товарищъ мой добрый конь, а другой мой товарищъ калена стрѣла....* Онъ много занимается, читаетъ, особенно путешествія, любитъ самъ быть вѣчно въ разгонѣ, чѣмъ дальше и глубже въ новую и не извѣстную ему доселѣ страну, тѣмъ лучше. Онъ выучился азіятскимъ языкамъ, знается и братается со всѣми нехристями, такъ, что мы его зовемъ татариномъ, хотя и мусульмане иногда еще его бранятъ: кяфыромъ. Я слышалъ самъ, какъ русскіе называли его полякомъ, и слышалъ какъ поляки честили его москалемъ. Какъ тутъ быть? Чему вѣрить, чего держаться? Я полагаю, что онъ долженъ быть — какъ бишь зовется земля, гдѣ эти люди родятся?

Этотъ человѣкъ, когда бываетъ въ степи, обыкновенно брѣетъ голову, отрасчиваетъ бороду — видите, все на оборотъ! — и слыветъ за–урядъ киргизомъ,

или покрайней мѣрѣ татариномъ. Однажды, на одной изъ такихъ поѣздокъ, въ глубинѣ степи, присталъ онъ, среди знойнаго, огненнаго лѣта, къ киргискому аулу, на скатѣ расположенному. Здѣсь увидѣлъ онъ, на одномъ изъ отдѣльныхъ холмовъ, не совсѣмъ рѣдкое въ степи зрѣлище — несчастный дикарь, сынъ степей и разгульной воли, пораженный бичомъ дикаго человѣчества — оспою — былъ покинутъ всѣми и оставленъ безъ крова, безъ пищи, безъ призрѣнія, на произволъ судьбы. Все бѣжитъ отъ этого ужаснаго бѣдствія, котораго боятся въ степи такъ, какъ только можемъ мы бояться чумы, самой ужасной, лютой; все покидаетъ бѣдствующаго, и онъ гибнетъ, обыкновенно, безъ всякой помощи и призрѣнія. Рѣдко, очень рѣдко найдете вы сострадательную мать, которая бы рѣшилась подать изнемогающему, сгарающему жаждою дитяти, чашу воды. Вблизи Линіи, кайсаки прибѣгаютъ къ помощи казаковъ; эти берутъ и *вылечиваютъ,* какъ они говорятъ, иногда

зараженныхъ; то есть, не страшась оспы, ходятъ они около больнаго, и, коли Богъ милостивъ, то этотъ встаетъ; въ степи напротивъ, онъ почти всегда гибнетъ, уже отъ одного недостатка въ питіи и пищѣ.

И такъ, пріятель мой подошелъ, по врожденной страсти своей хлопотать всегда о другихъ, подошелъ, чтобы подать бѣдствующей, это была женщина, чашу воды. Казалось, это было лишнее; она сгорала уже огнемъ горячки, и сострадательный хожалый нашъ услышалъ только невнятныя слова, произнесенныя въ безпамятствѣ: *Уой, бой, Бикей! сынъ миы ташламасъ идынгъ!* — то есть: «О Бикей, ты бы меня не покинулъ»..... — Какой Бикей? — спросилъ нетерпѣливо, недовѣрчивый путникъ, какъ будто подозрѣвалъ уже и здѣсь опять какой нибудь обманъ или подлогъ — какой Бикей? какъ зовутъ больную? —

«Мауляна,» отвѣчали ему; «это вдова убитаго Бикея.» Она дѣйствительно умерла отъ оспы, лѣтомъ 1832 года, менѣе года

послѣ убіенія мужа, на 22–мъ году отъ рожденія своего.

В. ДАЛЬ